

Дарья Донцова

Летучий
самозванец

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Дарья Донцова
Летучий самозванец
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 24

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=185242
Летучий самозванец: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-37657-5*

Аннотация

Я, Виола Тараканова, отправилась в плавание на теплоходе «Летучий самозванец» в компании моего бойфренда Юры Шумакова. Плавсредство зафрахтовал его дядя Василий Самойлов для сотрудников своей кондитерской фабрики, которых он якобы ужасно хотел видеть одной дружной семьей... Напрасно я поверила в эту идиллию! Оказалось, конкуренты стащили у Самойлова идею нового сорта конфет, и он решил во время отдыха разоблачить предателя. Прежде чем искать конфетного вора, нам с Юрой пришлось расследовать внезапную смерть девочек из приюта, курируемого женой Самойлова. А вскоре на нашем «Летучем самозванце» объявились жуткие монстры-мутанты... И, видимо, чтобы окончательно доконать несчастную Вилку, кухарка, оказавшаяся моей бывшей одноклассницей, заявила, что наше путешествие – маршрут в ад!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	66
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Дарья Донцова

Летучий самозванец

Глава 1

Если хочешь быть красивой, не переусердствуй!

Я осторожно покосилась на свои ярко-зеленые ногти, попыталась сжать пальцы в кулак и оставила эту затею. Вот к чему приводит желание произвести на окружающих самое приятное впечатление! Вчера я спешно сбегала в салон красоты, уложила волосы, сделала маникюр и показала мастеру на пузырьек с нежно-розовым лаком.

– Давно не модный оттенок, – скривилась девушка. Им теперь лишь старухи пользуются! Все молодые красятся альтернативными цветами.

Мне страстно захотелось влиться в ряды юных и прекрасных, поэтому я смело сказала:

– Вот тот зелененький – очень симпатичный! Собираюсь провести несколько дней на природе, как раз подойдет.

– Супер, – одобрила маникюрша, – шикарный выбор.

И вот теперь я не знаю, куда спрятать руки. Даже Юра удивленно поднял брови, увидев ноготки спутницы, а он никогда не демонстрировал мне своего неодобрения. И вообще, до сих пор ему во мне нравилось абсолютно все!

– Желаете оладьи? – прошептал мне в ухо вкрадчивый те-
нор.

Я вздрогнула, ощутив, как бретелька нового топики пыта-
ется свалиться с плеч, быстро дернула ее назад и вернулась в
реальность. Я сижу за большим столом в окружении людей,
из которых я знаю лишь Юру Шумакова. Голос принадлежит
официанту: он предлагает мне выбрать горячее блюдо.

– Есть овсянка, – продолжал официант, – омлет по-ан-
глийски, сосиски.

– Спасибо, – ответила я. – Я привыкла завтракать одним
йогуртом.

– А вот я не откажусь от омлета с беконом, – сообщил
Юра. – В сытом теле здоровый дух.

– Колбасные изделия несут в себе смерть! – отчекани-
ла сидевшая напротив нас дама, надевшая к завтраку, на
мой взгляд, слишком большое количество вульгарной бижу-
терии. – Они пропитаны токсинами стресса и ужаса убито-
го животного! А еще на мясокомбинатах водятся гигантские
крысы, иногда они попадают в мясорубки.

Шумаков судорожно сглотнул и быстро изменил свое ре-
шение:

– Лучше, наверное, заказать омлет с помидорами и пар-
мезаном.

Но дама не успокоилась. Указательным пальцем, на кото-
ром было сразу два кольца, она ткнула в блюдо посередине
стола:

– Видите? Что это?

– Сыр, – растерянно ответил Юра, – сорт не назову.

– Если будете употреблять этот продукт, ваш мозг станет похож на него, – торжественно объявила тетенька.

Наш с Юрой роман начался не очень давно, он пока находится в романтической фазе. Мы нравимся друг другу во всех отношениях, недавно отметили первый юбилей – месяц совместной жизни, но еще не перешли на тот этап, когда мужчина начисто забывает про комплименты и мелкие знаки внимания. Однако я уже успела понять: Шумаков не из тех людей, которые лезут за словом в карман. Вот и сейчас, услышав идиотское заявление, он сохранил серьезный вид, но нашел адекватный ответ:

– Мой мозг превратится в сыр? Это здорово облегчит мне жизнь на пенсии. Под рукой всегда будет вкусный, полезный, а главное, бесплатный ингредиент для хорошего бутерброда.

Гость, который сидел слева от Шумакова, хохотнул и тут же сделал вид, что с аппетитом ест творог. Вздорная дама залилась румянцем.

– Холестерин, содержащийся в продуктах, разъедает кровеносные сосуды, ваши полушария испещрятся дырками, как эти ломти маасдама! И не говорите потом, что я вас не предупреждала!

Юра повернулся к официанту:

– Ну тогда принесите оладьи!

– От них умрет поджелудочная железа, – мгновенно про-

комментировала его решение бойкая тетенька.

Шумаков притворился глухим и повторил:

– Олады! А к ним сметану!

Официант кивнул.

– Конечно, разрешите подать полный набор соусов?

– Отлично, – согласился Юра, – очень есть хочется.

– Блины с жирной добавкой равносильны петарде, попавшей в желудок! – каркнула соседка и начала демонстративно жевать веточку петрушки. – Вы согласны?

Поскольку последние слова она произнесла, глядя на меня в упор, я быстренько придвинула к себе небольшую стеклянную баночку с йогуртом, с которой чья-то рука заботливо сняла крышечку, и сделала вид, что увлечена едой. Похоже, путешествие обещает стать забавным.

Неделю назад Юра неожиданно спросил:

– Как ты относишься к теплоходам?

– Понятия не имею, – честно ответила я, – но, думаю, они вполне уютны.

– Ты никогда не плавала на корабле? – удивился Шумаков.

– Нет, – призналась я.

– Тогда стоит принять предложение, – протянул Юра. – Думаю, тебе понравится. Василий Олегович пригласил нас отдохнуть на воде, десять дней спокойного досуга на комфортабельном судне под поразительным названием «Летучий самозванец».

Я не скрыла удивления.

– Сомневаюсь, что Василий Олегович меня приглашал. Я даже не понимаю, о ком идет речь! Кто он такой?

– Мой дядя, – спокойно сообщил Юра, – владелец фабрики по производству конфет, Самойлов Василий Олегович. Вернее, ему принадлежит целый холдинг, предприятия разбросаны по всей России.

Я удивилась еще сильнее.

– Ты никогда не рассказывал мне о богатом родственнике.

– А зачем? – пожал плечами Юра. – Ты, кстати, тоже помалкиваешь о своих близких. Я знаю лишь, что твой, Вилка, бывший муж – майор Олег Куприн. Да и то эта информация просочилась исключительно потому, что моя сестра Аня Наварро работает у Куприна в отделе.

Я вздохнула.

– Мне похвастаться особо нечем. С мамой я никогда не была знакома, а отец¹... Давай-ка лучше сменим тему. Каков повод для путешествия?

Юра включил свой ноутбук.

– Самый подходящий. Василий Олегович открыл в Москве, в самом центре, большой фирменный магазин.

– Я что-то слышала, – протянула я. – Ехала по Тверской в конце августа, заметила толпу, тучу воздушных шариков, услышала духовой оркестр, притормозила и увидела, как известный телеведущий на пару с лысым мачо несут огромную

¹ Подробно детали биографии Виолы Таракановой рассказаны в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

конфету, перевязанную красной лентой.

– Лысый мачо и есть мой дядя, – весело подхватил Юра. – Он обожает спектакли с помпой, фейерверки, артистов, мишуру и блески. Человек-праздник!

Я смутилась:

– Извини, неудачно выразилась.

Шумаков уставился в экран компьютера.

– Ты права. По паспорту Василию годков немало, но в душе он двадцатилетний юноша, обожающий новые модели сотовых телефонов, модные шмотки и машины. Иначе, как «лысый мачо», его не назвать.

– А как относится к его забавам жена? – Я решила поподробнее узнать о дяде.

Юра поднял бровь.

– Катерина? Она занимается благотворительностью, основала приют для девочек-сирот.

– Понятно... – протянула я. – Дама закрывает глаза на забавы муженька, увлекается своим делом и не лезет к супругу с нотациями.

– Идеальный вариант, – подхватил Юра. – Нет хуже жены, которая считает, что печать, поставленная в загсе, делает ее рабовладелицей.

Я моментально полезла в драку:

– Значит, для тебя идеальный вариант отношений выглядит так: он творит, что хочет, а она ему не мешает?

Юра скривился:

– Вилка, Самойловы женаты сто лет, сошлись еще школьниками. Катерина всегда была рядом с мужем, поддерживала его во всех начинаниях. У них есть сын, который появился на свет, едва родителям исполнилось восемнадцать. Когда Василий решил заниматься бизнесом, у них не было вообще ничего. Он продал квартиру и машину и вложил средства в дело. Никто не обещал быстрого успеха. Самойлов понятия не имел, что со временем станет одной из основных фигур на своем рынке. Мог ведь все потерять, оставить семью без жилья и средств к существованию. Согласись, не каждая жена одобрит такое поведение, но Катя протестовать не стала.

– Героическая женщина, – согласилась я.

– Брак держится на толерантности супругов! – заявил Шумаков. – Чем меньше скандалов, тем лучше. Отпусти мужика с приятелями на рыбалку или в гараж, дай ему с собой всякой еды – и живо станешь победительницей конкурса «Супруга года».

– Да? – с сомнением протянула я. – Так просто?

– Конечно, – сказал Юра. – Представь такую картину. Сели парни рыбу ловить, откупили бутылочку, закусон вытащили. Один разворачивает газету, а в ней не очень свежая колбаса. Ну и вырывается у бедолаги в сердцах:

– Блин! Вернусь домой, объясню своей бабе, кто в семье хозяин. Сначала скандал закатила, что без нее на природу собрался, а когда велел жрачки дать, сунула мне пакет со словами: «Вам под водку и это сойдет».

– Все они одинаковые, – подхватывает второй. – Мне позавчерашнюю отварную картошку вручили.

И тут открываю сумку я! А там! Салаты свежие в коробочках, мясо запеченное, конфеты, печенье. Парни рты разевают, а я и говорю:

– Ешьте, наслаждайтесь, моя хозяйка специально нам наготовила, сказала: «Юрочка, ты так много работаешь, отдохни по полной программе». Друзья от восторга завоют, а что для парня главное? Чтобы его женщина товарищам по сердцу пришлась!

Я не удержалась от ехидства:

– Ты был знаком с такой идеальной девушкой? Почему разорвал с ней отношения? Она тебя достала излишней заботливостью? Наматывала кавалеру в июле шерстяной шарф на шею? Просила в августе надеть валенки и трусы на меху?

– Нет, – после легкой заминки признался Юра. – Просто я описал свой идеал, он существует в теории, на практике пока не встречал. Поверь: для мужчины товарищи роднее братьев.

Я предусмотрительно не отреагировала на программное заявление кавалера. Ну какой смысл восклицать: «Чем реже мужик катается с приятелями на мальчишники, тем меньше глупостей он совершит!»

Никогда не надо раскрываться до конца даже перед любовником, за которого не собираешься замуж. Сначала спокойно наблюдайте за ним, решите, подходит он вам или нет, а уж потом медленно начинайте его дрессировать, ра-

зумно используя кнут и пряник.

Я ощутила легкое прикосновение и вынырнула из своих раздумий, машинально улыбнувшись даме, увешанной бижутерией. Она по-прежнему сверлила меня взглядом.

– Какой ужас! – неожиданно воскликнула дама.

Я удивилась. Неужели я так плохо выгляжу?

– Вилка, ты хорошо себя чувствуешь? – шепнул Юра.

– Да, – кивнула я.

– Все в порядке? – не успокаивался он. – Завтрак вкусный?

– Йогурт странный, – призналась я, черпая из стеклянного стаканчика желтоватую массу. – Фруктов нет, но и на натуральный он мало похож. Может, его сделали из овечьего молока?

Юра взял салфетку.

– Это майонез.

– Спасибо, не употребляю, – заявила я.

На лице Юры появилось хитрое выражение.

– Я знаю. Поэтому очень удивился, увидев, как ты наворачиваешь этот продукт ложкой. И уж совсем впал в недоумение, услышав твоё заявление про фрукты. Извини, клубнику с малиной никогда не кладут в смесь желтков, горчицы и растительного масла.

– Майонез? – повторила я, глядя на пустую стеклянную баночку, содержимое которой успешно перекочевало в мой

желудок. – Ты хочешь сказать, что я слопала двести граммов?

– Ужас! – эхом подхватила тетка, восседавшая напротив. – Вы проверялись у доктора на наличие кишечных паразитов? Невозможно употреблять в столь огромном количестве калорийную заправку и оставаться тощей, как больная циррозом селедка!

– У рыбы есть печень? – моментально забыл про меня Юрасик. – Она ею думает?

Тетка скривила губы.

– Молодой человек, мыслительную деятельность осуществляет не желудок, это я вам как врач говорю. Мозг – вот наш центр управления. Обратите внимание на режим питания вашей матери и, если не хотите остаться сиротой в ближайший год, посоветуйте ей перейти на здоровую пищу.

– Мать? – поразила я. – Вы о ком сейчас говорите?

Гость слева от Юры фыркнул, словно высунувшийся из воды тюлень, и вмешался в беседу:

– Насчет мозга святая правда, только необходимо уточнить, что у мужчин и женщин он находится в разных местах. У милых дам ум заключен в руках.

– Да, – охотно согласилась мадам. – Мы, как правило, умеем делать все: шить, вязать, готовить.

– Я не о том, – заявил мужчина. – Если попросить у женщины руку, то потом всю жизнь будешь находить ее в своем кармане. Уж не знаю, как насчет домовитости, но вот талан-

том расфурыкивания денег леди обладают с рождения!

Я стряхнула с себя временное оцепенение и спросила у почтительно согнувшегося официанта:

– Это майонез?

– Да, сударыня, – чопорно подтвердил тот. – Еще желаете?

Меня затошнило.

– Я приняла провансаль за йогурт!

Врач тем временем налетела на мужчину, рискнувшего открыто заявить о корыстолюбии слабого пола:

– Отвратительный шовинизм! Гендерный геноцид!

– Майонез фасуют в банки или пакеты, – растерянно бубнила я. – А вот йогурт часто кладут в стеклянные стаканчики, точь-в-точь как этот. Кому пришла в голову идея поместить сюда соус для салатов?

Официант склонился еще ниже:

– Правила сервировки не допускают на столе магазинной тары. То, что вы назвали стаканом, является тассеном.

– Тазом? – не поняла я.

– Тассеном, – терпеливо повторил официант. – Это часть сервировки стола, в которой подают соусы. Разрешите отойти за горячим?

Я машинально кивнула. Фигура в синем сюртуке скользнула в небольшую дверь. Мне оставалось лишь признать произошедшее: я слопала большое количество майонеза и теперь лучше не прикасаться к еде двое суток.

– Ну что же, господа! – громко произнес хозяин меропри-

ятия, поднимаясь со стула. – Думаю, нам следует провести церемонию знакомства. Вчера вечером у нас не получилось общего ужина, на теплоход мы все поднимались в разное время. Зато за завтраком мы в полном сборе. Что ж, начну с себя. Я – Василий Олегович Самойлов, босс половины тех, кто сидит за столом. Так уж получилось, что, тесно сотрудничая во время работы, мы никогда не устраивали общих посиделок. Это неправильно, мы почти родственники, вот я и подумал: поездка на теплоходе – лучший способ познакомиться. Итак, я буду представлять своих коллег, а те расскажут, с кем пришли на наш первый совместный праздник.

Глава 2

Василий Олегович обвел взглядом присутствующих.

– Вначале хочу представить вам свою жену Катюшу.

Коротко стриженная брюнетка, на мой взгляд, едва ли справившая тридцатипятилетие, помахала изящной рукой и улыбнулась. Я была поражена молоджавостью супруги Самойлова.

– Классно выглядит, да? – шепнул мне Юра. – Вероятно, не прикасается к майонезу.

Я исподтишка показала ему кулак.

– Слева от Кати сидит Леонид Зарецкий, заведующий нашим научно-исследовательским отделом, – продолжал Василий Олегович.

– Зачем кондитерской фабрике держать ученых? – тихонько спросила я у своего спутника.

Василий Олегович тем временем говорил:

– Создание новой конфеты – дело трудное. Обыватель считает, что очень просто смешать в котле сгущенку, орехи, какао и получить шоколадку. На самом деле разработка рецепта может занять годы, и никогда заранее не знаешь, что придется по сердцу потребителю. Например, «Коровка», к сожалению, не наша придумка, достаточно простая, без сложных составляющих, но любима не одно десятилетие. Сколько ни пытались улучшить «Коровку», добавляли в

нее мак, арахис, покрывали глазурью, но народ предпочитает классический вариант. Карамель «Гусиная лапка», конфеты «Белочка», «Трюфель», шоколадка «Аленка» – вот высота, к которой нам нужно стремиться. Но и мы тоже имеем вполне конкурентоспособный товар: в свое время очень удачно стартовали с изделием «Свадьба», потом появился «Колокол»². Надеюсь, Леня, мы и дальше не сбавим оборотов. Ты сегодня вместе с женой?

Лысый толстячок лет сорока пяти, одетый в пронзительно-голубой джинсовый костюм, кивнул:

– Да, знакомьтесь: Вика, моя супруга, она врач, психотерапевт и психолог.

Я едва не поперхнулась капучино, который как раз в этот момент отпила из чашки. Меньше всего стройная блондинка с кукольным, чересчур сильно для утреннего времени накрашенным личиком похожа на специалиста по ремонту душ. Доктору положено носить серьезную прическу, блузку на пуговичках под горло, не увлекаться макияжем и иметь строгий вид. Вика же щеголяет в обтягивающей маечке, щедро усыпанной стразами, низкое декольте почти полностью открывает бюст, который слишком совершенен, чтобы быть натуральным. На изящной шее висят многочисленные бусы, на запястьях бренчит с десятков браслетов, но больше всего меня поразили ее руки. Пальцы Вики заканчивались почти семисантиметровыми пластинами, загнутыми, словно когти у

² Названия придуманы автором, любые совпадения случайны.

грифа. Но в отличие от птички Вика явно посещала маникюршу: ее ногти были покрыты ярко-красным лаком и вдобавок украшены изображением ромашек.

– Рада познакомиться, – тут же защебетала она. – Я обожаю прогулки на воде. Так прикольно! Папочка, помнишь, как мы веселились в Испании, когда взяли напрокат яхту? Можно сегодня искупаться? Хоть и сентябрь, но очень жарко. Я прихватила с собой бикини из последней коллекции!

– Дорогая, съешь круассан. – Леонид поспешил заткнуть жене рот.

– Отлично! – излишне весело воскликнул Василий Олегович. – Но сначала продолжим знакомство. Прошу любить и жаловать – главный художник Никита Редька с женой Анечкой.

Пара довольно полных людей, облаченных в клетчатые рубашки, мило заулыбалась присутствующим.

– Кит, вымолви словечко, – попросил начальник.

Редька взъерошил кудрявые волосы.

– Ну... э... э... Лучше нарисовать!

Анечка звонко рассмеялась.

– Василий Олегович, вы, наверное, знаете, что Никита не оратор. В нашем доме трещотка я!

Мне Анна понравилась сразу. У нее был ясный приветливый взгляд и, очевидно, веселый нрав.

Директор кивнул.

– Теперь поприветствуем нашего пиар-директора Манану.

Прости, дорогая, но выговорить твою фамилию я не способен. Понимаю, что это неприлично, невоспитанно, но даже пытаться не стану.

Очень худая женщина с огромными карими глазами и слишком большим для мелкого лица носом оторвалась от омлета.

– Ничего особенного, Гигиенимишалавили.

Сидевшие за столом засмеялись, а Манана продолжила:

– Я москвичка, родилась в столице, фамилия досталась мне от папы, а имя от бабушки. В школе меня звали Маня, очень смешно было наблюдать, как учителя, желая вызвать к доске девочку Гигиенимишалавили, сначала шевелили губами, потом хмурились, сдвигали брови и говорили в конце концов: «Горина, выходи». В результате Оля Горина, которую вытаскивали вместо меня, исходила тихой ненавистью, а я, наверное, была единственной ученицей, которая практически не отвечала устно. Предлагаю отбросить церемонии и звать меня Маней. Благодарю Василия за любезное приглашение, и еще раз огромное спасибо, что разрешил приехать мне вместе с дочкой. Поздоровайся, милая.

– Здравсте, – звонко разнеслось над столом. – Меня зовут Тина. Мама, я не люблю оладьи, а этот дядя мне их положил! Я просила сосиски, но он меня не послушал! Пожалуйста, дайте сосиски, это моя любимая еда! И кетчуп! Кетчуп – самое вкусное! Мамочка, не волнуйся, я не закапаю чистое платье, я аккуратная. Можно мне сосиски? И кетчуп! Пожа-

луйста!

На несколько секунд в столовой повисла тишина. В словах малышки, наивно признающей в горячей любви к колбасным изделиям и томатному соусу, не было бы ничего необычного, детская непосредственность всегда вызывает у взрослых улыбку умиления. Но Тина выглядела по меньшей мере лет на двадцать, однако возраст не мешал ей прижимать к груди плюшевую игрушку самого дурацкого вида: то ли поросенка, то ли медвежонка.

Манана растерянно оглянулась и быстро ответила:

– Конечно, солнышко, сейчас принесут.

– Нет проблем, – подхватил Самойлов. – Эй, вы там, подайте Тиночке то, что она просит.

Девушка захлопала в ладоши и повернулась к даме, которая сидела напротив меня.

– Хотите, поделюсь с вами? Я умею резать еду ножом, это очень просто: вжик, вжик – и готово!

– Гастрономические изделия не забава, – растерянно ответила тетка, то ли не понявшая, с кем поддерживает беседу, то ли категорически не умевшая общаться с особенными людьми.

– Вот мы и добрались до моих друзей! – легко перекричал ее Василий Олегович. – Перед вами Алина Сергеевна Бортникова, диетолог, психолог и моя бывшая одноклассница, она...

– ...крайне удивлена нездоровым набором продуктов на

столе, – быстро перебила его Алина. – Я готова дать любому присутствующему консультацию по правильному питанию. А в особенности вам!

Бортникова бесцеремонно ткнула пальцем в мою сторону.

– Не стоит употреблять майонез тазами!

– Это тассен, – вдруг сказала Аня, – разновидность соусника. Название происходит от немецкого слова «tasse», что означает чашка.

Я ощутила новый прилив дружелюбия к жене художника, а Василий Олегович картинно потер руки:

– Юра Шумаков, мой племянник, и его очаровательная, восхитительная, талантливая, гениальная спутница, наша великая писательница Арина Виолова. Ура!

В моей груди возникло тепло, потом жар, быстро поднявшись по шее, наполнил голову. Меня очень смущают похвалы, намного комфортнее я чувствую себя как объект критики.

– Простите, – прочирикала Алина. – Я плохо расслышала вашу фамилию: Толстая или Достоевская?

– Вау! – закричала Тина. – Я вас читаю! Прикольно! Больше всего мне понравилось, когда тетеньку дома в ванне утопили, а потом в море кинули, но врач все равно понял, в чем дело. Он мертвую шприцем проткнул! Хрясь! Под микроскоп сунул и все понял! Мама, я выучила новое слово! Микроскоп! Мама, я его у ней в книжке вычитала! Мама, похвали меня!

– Умница, – ответила Манана. – Но надо говорить «у нее», а еще лучше сказать «у писателя».

Алина закатила глаза.

– Куда катится мир! Люди читают всякие бредни!

Юра стиснул зубы. Я поняла, что он сейчас сделает, положила руку ему на колено и чуть сжала ногу. Шумаков крайне нервно относится к людям, готовым ткнуть длинной иглой в болезненное место литераторши Виоловой. Я многократно объясняла ему: «Поверь, я не реагирую на щипки, давно привыкла к глупостям, которые пишут обо мне журналисты, и игнорирую злобные высказывания в свой адрес».

Но Юра все равно бросается на моего обидчика с шашкой наголо, вот и сейчас он произнес ледяным тоном:

– Женщине, которая рассказывает о превращении мозга в сыр, не следует критиковать чужое творчество. Вы читали хоть один роман Виолы?

– Нет, – с брезгливостью выдала диетолог. – Никогда не возьму в руки подобную литературу.

– Если вы не читали ее произведения, откуда такое пренебрежение? – Шумаков явно решил поставить Алину на место.

Та растерялась, и тут оживилась Аня:

– Если вы прихватили на судно пару своих детективов, дайте мне, я вас обожаю. Арина – это псевдоним?

– Да, – слегка успокоился Юрасик, – по паспорту она Виола Тараканова.

– Разве можно ожидать душевной тонкости от людей, которые с утра набивают желудок сосисками?! – выпустила очередную отравленную стрелу Алина.

Юра вновь побледнел, но тут Самойлов встрепенулся и взял инициативу в свои руки:

– У нас остались три красавицы: Ирочка, Света и Лизонька. Катя, моя жена, занимается благотворительностью, она основала приют для девочек-сирот. Мы берем в свою семью несколько воспитанниц по очереди, и они некоторое время живут с нами.

– Очень благородно, – вякнула Манана.

– Ирочка, она в зеленом платье, – продолжал Василий Олегович. – Круглая отличница, ходит в седьмой класс; Светлана больше увлекается спортом, имеет разряд по художественной гимнастике, но ей надо подтянуть математику, так?

Одна из девочек, сидевших в самом конце стола, смущенно кивнула.

Воспитанницы были в разной одежде, а вот в волосах у них я заметила одинаковые заколки, украшенные пластиковыми божьими коровками. У Иры было два «краба», у Светы один.

– Ну, ничего! – отечески улыбнулся Самойлов. – В этом учебном году будешь заниматься усердней и догонишь Ирину по успеваемости. Лизонька у нас выпускница, ей в ноябре исполняется восемнадцать и... А где Елизавета?

Все гости одновременно повернули головы в сторону сирот.

– Ира, – спросила Катя, – почему Лиза не вышла к завтраку?

– Не знаю, – еле слышно ответила та.

– Она вчера отравилась, – неожиданно заявила Светлана. – Я к ней утром зашла, а ей плохо, она сказала: «Голова сильно кружится».

Катя покачала головой.

– Светлана, причешись! Где твоя вторая заколка? С одной ты выглядишь растрепанной!

– Я ее потеряла, – призналась Света.

Катя сдвинула брови, потом встала и вышла из столовой. Василий Олегович завел громкую беседу с Зарецким, жена ученого начала строить глазки главному художнику, официант приволок очередной кофейник, а я, дождавшись момента, когда присутствующие увлекутся разговорами, тихонько выскользнула в коридор и поторопилась в свою каюту. Почему-то очень захотелось принять душ.

Ванная комната, примыкавшая к спальне, оказалась неожиданно большой, в ней висело много полотенец вкупе с четырьмя халатами.

Я постояла под струями воды, потом завернулась в полотенце и стала расчесывать волосы. Наверное, зря я согласилась принять участие в поездке, меньше всего мне нравится в чужом пиру похмелье. Что за странная идея пришла в го-

лову Василию Олеговичу? Если его фирма никогда не устраивала корпоративных мероприятий, на которые сотрудников зовут семьями, то зачем сейчас стихийно разжигать дружбу?

– Надо срочно вызвать бригаду! – неожиданно раздался голос Юры.

Сначала мне показалось: пока я мылась, Шумаков вошел в комнату. Поэтому я высунулась из ванной, хотела спросить, о чем он ведет речь, и увидела, что в каюте пусто.

– Может, все обойдется? – воскликнул Василий Олегович. – Не хочу бросать дело. Вероятно, Лиза просто потеряла сознание.

– Неужели вы ничего не поняли? – сухо сказал Юра. – Немедленно соединитесь с берегом.

И тут я сообразила: очевидно, впритык к нашей ванной прилегает еще одна комната, ванная рассчитана на две каюты, вон дверь. Я нажала на ручку и увидела пустую, похоже, никем не занятую спальню. Значит, Шумаков и Самойлов беседуют в коридоре. Я вернулась в ванную. Кондитер показался мне слегка испуганным.

– Что делать? – задал он классический вопрос.

– Немедленно причалить и вызвать на набережную «Скорую», – ответил Юра.

– Мне необходимо докопаться до истины, – невпопад заявил Самойлов.

– Лучше поменять планы, – решительно предложил Юра.

– Это невозможно!

Василий Олегович что-то неразборчиво забормотал, я вошла в спальню и легла на кровать. Нехорошее предчувствие тихо вползло в душу. Возник вопрос: почему Юра зовет родного дядю на «вы»? По какой причине директор фабрики носит фамилию Самойлов, а мой приятель – Шумаков?

Дверь в коридор дернулась, потом раздался стук.

– Кто там? – на всякий случай спросила я.

– Юра, – ответил мужской голос.

Я встала и распахнула створку.

– Я не запирала! Похоже, замок сам заблокировался.

Шумаков подергал туда-сюда ручку и сказал:

– Замок заедает! Ерунда! Я видел доску с запасными ключами, отопрем, если не сработает!

– Не разделяю твоего оптимизма, – фыркнула я. – Если на круизном теплоходе не работает замок в каюте, то и в моторе могут обнаружиться неполадки!

– У тебя плохое настроение? Голова болит? – заботливо осведомился Юра. – Что ты предпочитаешь: растворимый аспирин или цитрамон?

– Почему ты Шумаков, а твой дядя Самойлов? – задала я вертевшийся на кончике языка вопрос.

Юра сел на край кровати.

– Василий Олегович – брат моей матери, та стала Шумаковой, когда вышла замуж.

Я испытала большое облегчение, а потом досаду: самой следовало додуматься до элементарно простого ответа.

– Так аспирин или цитрамон? – спросил Юра. – Правда, таблетки и растворы не всегда эффективны. Я знаю лишь одно стопроцентно срабатывающее средство от мигрени, но ты не согласишься его принять.

Меня в секунду охватило любопытство.

– Какое?

– Гильотина, – сообщил Юра. – Нет головы – нет проблемы.

– Слишком радикально, – оценила я его предложение, – обойдусь аспирином. Что случилось?

– Где? – прикинулся дурачком Шумаков.

– У Василия Олеговича, – терпеливо ответила я.

– Дядя без всяких происшествий пошел в каюту, – лихо солгал Шумаков.

Я потрогала мокрые волосы.

– Я слышала вашу беседу, опрометчиво болтать в коридоре.

Юра быстро заморгал, а я спросила:

– Кому-то плохо? Кстати, почему на людях племянник «тыкает» дядюшке, а оставшись с ним наедине, переходит на «вы»? Обычно бывает наоборот.

Юра вытянулся на койке.

– Может, нам не стоит тратить время на обсуждение всяких глупостей? Скоро теплоход причалит к городку Паново, пойдем, погуляем?

– Вроде остановку обещали после обеда, – напомнила я.

– Василий передумал, – улыбнулся Юрасик. – Вспомнил, что в Паново открыт замечательный рынок народных ремесел, местечко славится своими лоскутными одеялами.

– Наверное, там и больница есть, – воскликнула я. – Бьюсь об заклад, когда гости во главе с Василием Олеговичем поспешат за пледами из тряпочных обрезков, ты останешься на борту и поможешь запихнуть в машину «Скорой помощи» носилки с бедной Лизой. Что случилось с воспитанницей приюта, и как ты собирался вытурить меня на рынок одну?

Глава 3

Юра хлопнул ладонью по покрывалу:

– Ну, извини.

– Ничего, ври, пока вретя, – пожалала я плечами. – В первый раз это прощается, но знай: я не стану иметь дело с профессиональным лгуном. Либо ты говоришь мне правду, либо до свидания.

– Я не имел права нарушить тайну клиента, – смутился Юра. – Но Василию сразу сказал: «Вилка умная, интуитивная, лучше работать с ней в паре».

– Понятненько, – процедила я. – Самойлов тебе вовсе не дядя.

– Я знаю Василия Олеговича с младенчества, – заворковал Шумаков. – Он наш сосед по даче, я с его сыном на велике гонял. Отказать не смог.

– Хорошо, – пожалала я плечами. – Дальше можешь не продолжать.

– Давай объясню...

– Не надо! – остановила я Шумакова. – Дружба дружбой, а табачок врозь. Не следует смешивать работу с личной жизнью. В другой раз откровенно предупреждай: я нахожусь при исполнении служебных обязанностей, и никаких проблем. Я отлично понимаю специфику твоей деятельности, поэтому не стану задавать вопросов. Только врать не надо.

– Вилка, – забормотал Юра и попытался меня обнять. Я вывернулась из-под его руки.

– Все, больше не беседуем на данную тему. Точки расставлены, просто скажи: «Вилка, иди на рынок за лоскутным одеялом, мне надо решить проблему, твоя помощь не нужна».

– Как раз помощь очень даже нужна, неспроста я тебя сюда пригласил. Еще вчера хотел подробности рассказать, – вздохнул Шумаков, – спросить совета, но не успел.

– И что тебе помешало? – ехидно спросила я.

Юра опять похлопал рукой по кровати и засмеялся. Я потупилась.

– А утром нас позвали завтракать, – весело продолжал он. – Я думал, выпьем кофе и все обсудим. Вот только ситуация завернулась винтом. Ты меня слушаешь?

Я кивнула:

– Очень внимательно. Но пока поняла лишь одно: ты вчера пристал ко мне, а потом заснул без задних ног, поэтому не успел объяснить цель поездки на теплоходе.

– Минуточку, – ухмыльнулся Юрасик. – Давай выясним, кто к кому первый лапки протянул, а?

– Какая разница, – отмахнулась я. – В результате же под одеялом очутились вместе. Так что происходит на теплоходе?

Шумаков пересел в небольшое кресло в углу.

– Начну по порядку.

– Хорошая мысль, – одобрила я.

Юра покосился на меня и стал излагать.

Василий Олегович действительно является соседом отца Шумакова по дачному участку. Дом Самойлову достался от родителей, можно сказать, это родовое гнездо, поэтому, затевав производство конфет, Василий продал городскую квартиру, а не дачу в деревне Обуховке. Семья перебралась на фазенду и жила там до тех пор, пока Самойлов не смог купить новые апартаменты. В отличие от многих нуворишей быстро разбогатевший кондитер не стал строить новые хоромы, он отремонтировал старые, пристроил к ним несколько комнат и остался в Обуховке. Юра знает Василия Олеговича много лет, а тот считает Шумакова кем-то вроде своего племянника, поэтому, когда у бизнесмена возникла нешуточная проблема, он обратился за помощью к нему.

Василий Олегович тратит большие средства на исследовательскую работу. В свое время Леониду Зарецкому удалось придумать рецепт замечательной конфеты, а Самойлову пришло в голову на редкость удачное название «Свадьба». Фантик был выполнен в бежево-золотистых тонах, по бокам шла надпись «Желаем счастья», а в середине красовались два сердца. Стоит ли объяснять, что шоколадки стали покупать к праздничному столу? Вдохновленный успехом, Самойлов освоил выпуск наборов с таким же названием и оформлением, в коробке, кроме самих конфет, были еще и марципановые фигурки жениха с невестой. «Свадьба» в мгновение стала хитом продаж и принесла хозяину фабрики

сверхприбыль.

Василий велел Зарецкому продолжать работу, но, увы, следующие проекты оказались почти провальными, они не вызвали ажиотажа у потребителя, их покупали, но очень вяло. Самойлов подгонял Леонида, требовал от него креативных решений, и в конце концов Зарецкий создал, на взгляд хозяина, настоящий шедевр – простой, необычайно вкусный и недорогой по цене. Не подкачали и специалисты, которые занимались названием. После длительных споров выбрали вариант «С днем варенья»³. С одной стороны, практически все россияне видели культовый советский мультфильм про очаровательного Винни Пуха, с другой – эта фраза давно вышла в народ и ассоциируется у всех с днем рождения.

В августе Самойлов с помпой открыл в самом центре Москвы фирменный магазин, выкинуть новинку на рынок решили первого сентября. А к началу ноября предполагалось выставить на прилавки коробки, украшенные знаками зодиака. На крышке золотом вытеснили «С днем варенья», а чуть ниже названия красовались рисунки астрологических символов: Близнецы были голубого цвета, Овен – красного, Рыбы – синего и так далее.

Чтобы подготовить рынок к новому продукту, пиар-служба фабрики устроила мощную рекламную акцию, метро и маршрутные такси завесили плакатами со слоганом: «Без чего нет настоящего дня рождения? Ну, понятно, без варенья.

³ Конфеты «С днем варенья» – фантазия автора, все совпадения случайны.

Что такое день рождения? Это просто день варенья!»

Первого августа в семь утра Василия разбудил Леонид.

– Я держу в руках коробку «С днем варенья»! – закричал он в трубку.

Самойлов, еще не окончательно проснувшись, недовольно протянул:

– Молодец. Но зачем меня в такую рань поднял?

– Ты не понял! – заорал Леня. – Я купил конфеты в магазине!

Василий подпрыгнул на матрасе.

– Как они туда попали? Только не говори, что кто-то перепутал месяц и решил отгрузить со склада наборы оптовикам! У нас намечена всероссийская премьера! Одновременный старт в сорока городах первого сентября. Первого сентября! Не первого августа!

– Ты не понял, – тихо повторил Леонид. – Я приобрел не наши конфеты!

– А чьи? – обомлел Василий Олегович.

– Фабрики Бурцева, – прошептал Зарецкий. – Коробка оранжевого цвета, «С днем варенья», знак зодиака Лев.

Самойлов ринулся на работу. По дороге он завернул в супермаркет, в отдел, где торговали шоколадом, и сам увидел наборы.

Пока шеф пытался осознать произошедшее, Леонид помчался в лабораторию, подверг чужую продукцию тщательному анализу и выяснил: фабрика Бурцева использовала ре-

цепт, разработанный специалистами Самойлова, были только крохотные различия.

Юра перевел дух и посмотрел на меня:

– Понимаешь?

Я кивнула.

– У Василия Олеговича в конторе завелся шпион, который слил информацию конкуренту.

– Причем сделал это изощренно, – подхватил Юра, – растрепал об упаковках, рекламной кампании. Это очень похоже на месть, уж больно ловко устроили продажу первого августа. Естественно, Самойлов сначала опешил, потом взбесился, но быстро взял себя в руки и сделал вид, что ничего страшного не случилось. Более того, Василий собрал совещание руководства предприятия, на котором задал перца своим сотрудникам. Самые острые молнии полетели в Зарецкого.

– Отдел топчется на месте, – чеканил Василий. – Хватается за первую попавшуюся идею, а наши конкуренты не дремлют! И вот результат: создание идентичной продукции. Леонид, от твоей лаборатории ждут креативности!

Следом Самойлов переключился на Манану:

– День варенья! Ну и ну! Еще оригинальнее было бы назвать новинку «Столица» или «Московские»! Хватайтесь за первую пришедшую в голову идею!

Короче, досталось всем, даже уборщице, которая попала в злосчастный день директору без обязательной шапоч-

ки на голове. Но никто не обиделся на Василия Олеговича, все понимали, как сильно задет хозяин.

– Странное поведение, – перебила я Юру. – Неужели Самойлов настолько наивен, что не понял: в конторе завелся стукач?

Шумаков положил ногу на ногу:

– Да все он сообразил! Василий Олегович совсем не дурак! Идиот никогда не поднимет бизнес с нуля. Самойлов страстно хочет найти предателя. Вот ты бы как стала действовать в подобной ситуации?

Я посмотрела в иллюминатор, за которым отражалось голубое небо.

– Для начала выяснила бы, кто мог иметь доступ к полному пакету информации. Если конкурент повторил весь проект, значит, его шпион может входить в любые двери на фабрике. Ну, допустим, сотрудник пиар-отдела способен слить название, но он ничего не скажет о рецептуре. А лаборант Зарецкого знает, сколько какао, масла, орехов и прочих ингредиентов добавлено в шоколадку, но понятия не имеет о всяких рекламных примочках. Водителей, дворников, упаковщиц и прочий персонал, находящийся у подножия служебной лестницы, в расчет принимать не стоит. Думаю, научный отдел закрыт и для случайных посетителей?

– Точно, – согласился Юра. – Они там даже убирают сами.

Я приободрилась – приятно, когда твое мнение признают авторитетным. Надо отдать должное Шумакову, он понима-

ет, что я слегка комплекую, и старается лишний раз дать мне понять: я самая умная, красивая, талантливая. Пустячок, а приятно.

– Выделив узкий круг посвященных, – продолжала я, – необходимо изучить их материальное положение, постараться засунуть нос в банковские счета, проверить, насколько расходы совпадают с доходами. Допустим, Н купил шикарный автомобиль, но у него неработающая супруга, трое детей и алименты на отпрысков от первого брака. Откуда деньги? Или М постоянно просил в долг, брал кредиты в банках, а затем – хоп! – расплатился по всем обязательствам и поехал отдыхать на Сейшелы. Резкое изменение материального положения в лучшую сторону при сохранении прежней зарплаты – настораживающий фактор. Хотя возможны варианты, допустим, получение наследства. Я доходчиво объясняю?

Юра встал, пересел на кровать и обнял меня.

– Ты умница. Василий Олегович именно так и поступил. Он просчитал все варианты и понял: всю подноготную о новинке знали Леня Зарецкий, главный художник Никита Редька, пиар-директор Манана, чью фамилию я не берусь воспроизвести, и Алина Бортникова.

– Диетолог? – удивилась я. – Вот уж кого никогда бы не включила в список.

Юра улыбнулся:

– Алина – очень близкий Василию Олеговичу человек. Мало того что они учились в одном классе, так еще Бортни-

кова давно является лечащим врачом семьи Самойловых. Ее не стесняются, при ней обсуждаются все проблемы. К услугам Алины прибегает и Никита. Кстати, Манана тоже хочет к ней обратиться. Согласись: с человеком в белом халате пациенты откровенны, мы считаем, что понятие «врачебная тайна» распространяется не только на медицинские, но и на наши личные секреты. Однако не все Гиппократы умеют держать язык за зубами.

Под потолком раздался щелчок, тихое покашливание, а затем красивый баритон произнес:

– Господа, наш теплоход приближается к городу Паново. Стоянка продлится три часа. Вы можете посетить местный краеведческий музей, при котором работает рынок народных ремесел. Паново славится своими лоскутными одеялами и вышитыми рубашками. Просьба не опаздывать к отплытию. Желаем вам хорошо провести время.

Я встала, открыла шкаф и не удержалась от замечания:

– Редька и его жена излишне полные люди, я понимаю, зачем им понадобился диетолог. Но Манана! Она смахивает на грабли в обмороке. Ей нет необходимости ограничивать себя ни в сладком, ни в жирном. Зачем ей обращаться к Бортниковой?

Юра изогнул дугой бровь.

– Ты видела Тину? Дочь Мананы.

– Конечно, мы вместе завтракали.

– И ты не удивилась?

Я сняла с вешалки белый кардиган. На улице тепло не по-осеннему, но лучше прихватить на прогулку что-нибудь теплое.

– Девушка не показалась тебе странной? – не успокаивался Шумаков.

– Тина, вероятно, имеет небольшие умственные отклонения, – предположила я.

Юра улыбнулся:

– Ты слишком деликатна. Она дебил. Девчонке двадцать лет, а она ведет себя как детсадовка. Манана наивно надеется, что дочь можно вылечить при помощи правильно подобранного питания. Судя по хвалебной оде, которую Тина спела сосискам с кетчупом, ее морят голодом. Мать решила обратиться к диетологу, и это был лишний повод для Василия Олеговича позвать на теплоход Алину.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась я. – Люди бывают разные. Те, кого ты презрительно называешь «дебил», всегда остаются милыми детьми, они ласковые, послушные, трогательные. У меня Тина вызывает лишь положительные эмоции, просто с ней надо общаться как с малышкой, не обращая внимание на ее возраст и формы. Надеюсь, Алина не согласится курировать девушку. Бортникова отлично понимает: мать готова на все, чтобы вылечить своего ребенка. Чем взрослее несчастный, тем сильнее это желание. Диетолог не имела права втягивать Манану в такую авантюру, думаю, особое меню никак не поспособствует умственному

развитию Тины.

Теплоход вздрогнул, ровный гул моторов, который был постоянным фоном путешествия, стих, зато ожило радио.

– Господа, наш теплоход причалил к городу Паново. Стоянка три часа. Для вашего удобства начало обеда перенесено на семнадцать ноль-ноль. Просьба не опаздывать к отплытию. Экипаж желает вам удачной прогулки.

– Здесь есть команда? – запоздало удивилась я.

Юра заморгал:

– Ну, конечно! Теплоходом управляют капитан с помощником. У них в подчинении матросы, повар, горничные, какой-нибудь механик, я не в курсе.

– Действительно, – пробормотала я, – глупый вопрос.

Юра не упустил возможности вернуть комплимент:

– Из уст красавицы любое заявление звучит приятно.

Все-таки женщины легко покупаются на избитые уловки. Вот сейчас я отлично понимаю: Юра мне льстит, меня никак нельзя назвать красоткой. Я умная, надежная, веселая, обладаю стройной фигурой и при вечернем освещении, со спины, сойду за юную девушку. Но ангельской внешностью господь госпожу Тараканову не одарил. В подростковые годы я переживала из-за не очень густых, слишком светлых волос, близко посаженных к носу глаз и небольшого рта с тонкими губами. В четырнадцать лет я была не гадким утенком, а отвратительным жабенком, отсутствие модной одежды лишь подчеркивало мое внешнее уродство. Мне до зубов-

ного скрежета хотелось походить на самую красивую девочку школы Маргариту Некрасову. У Риты была копна каштановых кудрей, очи, напоминавшие чернослив, и нежный смуглый цвет лица. Родители Некрасовой работали в сфере торговли, единственную дочь они одевали как куклу. Став писательницей, я получила возможность тратить деньги на тряпки, научилась делать макияж и сейчас выгляжу вполне прилично, однако Мисс Привлекательность мне никогда не стать. Но Юра сейчас так искренне сказал о моей красоте! Я глупо заулыбалась.

Из коридора послышались шаги и гул голосов.

– Если найду одеяло в фиолетовых тонах, непременно куплю два, – сказала Манана. – На даче пэчворк.

– Папочка, мы возьмем пледики? – прочирикала Вика Зарецкая. – Прикольно иметь такие тряпочки, это очень модно!

– Конечно, дорогая, – ответил Леонид. – Ты выберешь самые лучшие.

– Девочки, не отставайте, – долетели издалека слова Кати Самойловой. – Ира, где Света?

– Здесь, – раздалось в ответ. – Бегу, только сумку возьму. Я взялась за ручку двери.

– Стой, ты куда? – воскликнул Юра.

Я обернулась.

– После нашей беседы мне стало понятно, что Самойлов созвал тусовку неспроста. Василий Олегович надеется, что в процессе совместного отдыха предатель расслабится и

невольно себя выдаст. А «племяннику» Юре нужно постоянно быть начеку и держать ушки топориком. Ты охотничья собака, которая бежит по следу.

– Верно, но произошло нечто, сильно усложнившее ситуацию, – признался Шумаков.

Притихшее было любопытство вспыхнуло в моей душе с новой силой.

– Что случилось?

– Супруга Самойлова – владелица приюта для девочек-сирот. Не знаю, по каким критериям она отбирает воспитанниц, но, если сиротка попадает в Катин детский дом, ее жизнь становится похожа на сказку. Катерина дает ребенку отличное образование, поддерживает его материально и морально. Раз в месяц она приглашает нескольких воспитанниц к себе в гости, Катя тщательно следит за соблюдением справедливости, она не допускает появления любимиц-фавориток. В подмосковном доме Самойловых рано или поздно побывают все дети. В нынешнем сентябре счастливицами стали Ира, Светлана и Лиза. Им повезло, Василий Олегович затеял круиз, и девочки попали на теплоход.

– Думаю, они в восторге, – сказала я.

– Ага, – кивнул Юра. – В особенности Елизавета, которая лежит сейчас в каюте мертвая.

Глава 4

Я содрогнулась:

– Что произошло?

Юра развел руками:

– Пока непонятно. Света сказала, будто вчера вечером перед посадкой на теплоход Елизавета соблазнилась шаурмой, которую продавали на речном вокзале, и купила лепешку с курицей. Катя категорически запрещает воспитанницам приближаться к фастфуду, Ирина со Светланой послушные, боязливые девочки, им и в голову не придет послушаться Самойлову. Елизавета была строптива, имела по каждому вопросу собственное мнение, и она значительно старше подружек. Лиза в этом году поступила в художественное училище, она отлично рисовала, и Катя хотела, чтобы девушка стала дипломированным живописцем. Занятия начинаются 6 октября, Катя решила сделать Лизе сюрприз, подарила ей поездку на «Летучем самозванце».

– Если мать просит тебя не лопать на улице пятисортное угощение, то не стоит злиться, вероятно, она права, – мрачно констатировала я.

– Ну и попробуй объяснить это девушке, которая вот-вот вырвется из-под твоей опеки, – хмыкнул Юрий. – Лиза решила, что предостережение Кати: «Никогда не ешьте ничего из палаток и ларьков!» – есть проявление старческого за-

нудства, глупости взрослого человека, который пугается собственной тени. Ну, что может случиться с Лизочкой? Она же бессмертна, а шаурма так аппетитно пахнет! Капризница полакомилась от души. Пока Катя устраивала Иру, а потом Свету на теплоходе, Лиза ждала у трапа и с аппетитом лопала курицу в лаваше. Итог печален. Утром, когда Света зашла в каюту Лизы, она увидела, что ту сильно тошнит. Девочка испугалась и хотела броситься к Катерине, но Лиза ее остановила, велела помалкивать, призналась, что ела шаурму на причале, и попросила:

– Светка, никому ни слова, Катерина разозлится, начнет меня отчитывать, занудит: «Я тебе сто раз говорила, и вот результат?» Ну подумаешь, живот заболел, часа через два пройдет! Если выдашь меня, отомщу тебе по полной.

Света испугалась и пошла в каюту к Ире. Семиклассницы очень гордились тем, что именно их взяли в эту поездку, они решили не ударить в грязь лицом и все время до завтрака сооружали друг другу прически, покрывали ногти лаком, пытались накрасить ресницы.

Лиза не вышла к завтраку, ее отсутствие заметили лишь в конце трапезы. Катя пошла в каюту, нашла Лизу в кровати, ей показалось, что она без сознания. Самойлова позвала мужа, тот прихватил меня. Когда я увидел девушку, то сразу понял: она мертва.

– Ты не реаниматолог, – тихо произнесла я. – Следовало срочно вызвать «Скорую».

Юра ткнул рукой в сторону иллюминатора:

– Куда? Мы плывем по реке, по берегам только мелкие дере-
вюшки, к ним не пристать, катера у местной больницы нет.
Капитан соединился с Паново и попросил врачей прибыть
туда. По плану нам предстоит шевелить веслами без оста-
новки до Волынска⁴. Я уже связался с милицией. Как только
гости теплохода сойдут на берег и двинутся в сторону рынка,
на борт поднимутся санитары и оперативники. Я останусь
улаживать формальности, мне нужна твоя помощь. Понима-
ешь, я внезапно подумал: вдруг Елизавета знала предателя?

– Девушка не работала на фабрике, – возразила я.

Юра взял со столика бутылку минералки и сделал пару
глотков.

– Катя озабочена судьбой сирот, поэтому большинство ее
воспитанниц, получив аттестат об окончании десятилетки,
идут в училище, которое открыто при производстве Василия
Олеговича. Я уже говорил, что комбинат – большое предпри-
ятие с магазинами во многих городах России. Сироты полу-
чают профессию, место в общежитии и начинают трудить-
ся. На предприятии полно молодых парней, быстро склады-
ваются семьи, рождаются дети. Катерина несколько раз ста-
новилась крестной матерью. Такова биография большинства
выпускниц. Но если человек проявляет яркие способности,
Самойлова старается предоставить ему шанс. Были случаи,
когда девушки шли в театральное училище или увлекались

⁴ Название придумано автором, любые совпадения случайны.

пением. Елизавета отлично рисовала, она хотела получить соответствующее образование и в будущем остаться на кондитерской фабрике в отделе, где придумывают дизайн фантиков и коробок, а для души писать портреты. Никита Редька считал Елизавету талантливой, часто приглашал в свой отдел, учил азам мастерства. Можно сказать, что кондитерское предприятие было для Сухановой вторым домом. Ты чем-то озабочена?

– Фамилия умершей – Суханова? – переспросила я.

– Да, – подтвердил Юрасик, – но, полагаю, сейчас последует другой, более важный вопрос.

– Вероятно, Катя знает об истории с конфетами «День варенья»? – спросила я.

Юра не успел ответить. В дверь каюты осторожно постучали. Шумаков открыл, и я увидела краснощекого потного юнца в милицейской фуражке. Воротничок его рубашки был слишком широк для шеи, смахивающей на перо зеленого лука, китель явно достался молодцу с чужого плеча, а может, для подобных малявок вообще не шьют форму. Плечи кителя стекали вниз, рукава прикрывали часть ладоней, зато голос у бравого борца с преступностью оказался по-сельски зычным.

– Невзоров! – заорал он. – Прибыл в поисках майора Шумакова!

Юра сделал рукой приглашающий жест:

– Ты его нашел, заходи, чувствуй себя как дома.

– Где труп? – не сбавляя тона, спросил Невзоров.

Шумаков схватил дурака за плечо, втянул его в каюту, за-творил дверь и сердито спросил:

– Ты идиот?

– Я Невзоров, – неожиданно ответил гроза местных пре-ступников.

Мне стало смешно. Интересно, сколько лет пареньку и кто догадался принять на службу юношу, чей размер шеи мень-ше моего, а объем бицепса составляет пять сантиметров? Невзоров не сможет даже поднять пистолет – упадет под его тяжестью. Думаю, он и бегаёт со скоростью беременной че-репахи. Ни один преступник не испугается, столкнувшись с таким представителем закона и порядка.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Юра.

– Андрюша, – по-детски непосредственно представился юноша, но тут же спохватился: – Андрей Павлович. Я заве-дую райотделом в Паново.

Я вытаращила глаза, а Шумаков, сохраняя самый серьез-ный вид, воскликнул:

– Так ты начальник! Поскольку наши отчества совпадают, мы можем забыть про них и обращаться друг к другу попросту. Я Юра. А на кровати сидит самая лучшая писательница России Арина Виолова, надеюсь, ты читал ее детективы.

– Не-а, – честно сообщил Андрей. – Я больше кино люблю, в Волынск за дисками катаюсь. Далековато, правда, зато там дешево и у пиратов офигенный выбор.

Услышав последнее заявление, Юра крякнул, но милый Андрюша не понял, какую глупость сморозил. Он вещал дальше:

– Вообще-то я неделю как работаю. Паново типа деревня, жителей немного, в основном старики, живут за счет туристов. Здесь теплоход может причалить, река глубокая и пристань есть. Вот Райкино – большой город, там несколько тысяч населения, но им не повезло, в том месте отмели, кораблю не пристать. Прежний начальник Возюков Алексей Михайлович помер, меня на его должность поставили. Пока привыкаю.

– Отлично, – весело заулыбался Юра. – Все когда-то начинали. Тебя предупредили, что ты поступаешь в мое распоряжение?

Андрюша снял фуражку и почесал макушку, покрытую короткими кудрявыми волосами.

– Из Москвы телефонограмма в Вакулово пришла, – наконец сказал он, – там наше начальство сидит. Мне сам Федор Евгеньевич звякнул и велел: «Невзоров, не уподи в навоз носом. Сам Виталий Матвеевич тебе приказывает майору Шумакову помогать. Он столичный ферзь, еще наболтает потом, что в Панове и Вакулове тетехи служат. Не опозорь!» Но я сомневаюсь насчет беседы Федора Евгеньевича с Виталием Матвеевичем. Баранов больно высоко сидит.

Юра похлопал ладонью по креслу:

– Садись, Андрюша. С Виталием Барановым я учился в

одной группе, мы с тех пор приятели. Вот и велел ему подыскать в Панове понимающего человека.

Невзоров, успевший уместиться в кресле, выскочил из него, как струя из фонтана, и замер навтыяжку.

– На булавку угодил? – прикинулся простачком Юра. – Располагайся.

– Я лучше постою! – заорал Андрюша.

– Сесть! – гаркнул Шумаков.

Андрюша спелым яблоком упал на сиденье.

– Шикарно, начинаем договариваться, – восхитился Юрасик. – Итак. Труп нет!

– Куда ж он подевался? – поспешил с вопросом Андрей.

– Лежит в каюте.

– Ваще ничего не понял, – заныл паренек. – То тела нет, то оно в спальне.

– Перевозка здесь? – спросил Юра.

– На причале, как велено, – отрапортовал Невзоров.

– Молодец, возьми с полки пирожок, – буркнул Шумаков, вынул мобильный и вышел в коридор.

Мы остались вдвоем.

– Здравствуйте, – прервал тишину Андрюша. – Вы стихи пишете?

– Нет, детективы, – уточнила я.

Невзоров чихнул.

– Извините. Романы в стихах?

– В прозе, – пытаюсь сохранить невозмутимый вид, отве-

тила я.

– Типа «Евгений Онегин»?

Я сделала глубокий вдох.

– Типа «Три мушкетера».

– Прикольно, – оживился Андрюша. – Я люблю про животных, у нас дома у мамки кролики есть, куры и корова.

Я решила, что симпатичный, но не разбирающийся в литературе милиционер перепутал мушкетера с мустангом, и решила просветить собеседника:

– Три мушкетера – это люди, мужчины.

– Я знаю, – сказал Андрей. – Но у них была собака!

– Что-то не помню, – вырвалось у меня.

– Ну как же! – оживился начальник из Панова. – Она у них продукты тырила, в лодке безобразничала!

Я растерялась еще больше:

– В лодке? Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян не путешествовали по воде.

– Они кто? – простодушно спросил Андрюша.

– Мушкетеры. Неужели ты кино с Боярским не видел?

– А-а-а! – протянул Невзоров. – Там еще песня про седло. Ничего киношка, но сериал про ментов лучше. Я его посмотрел и профессию выбрал, пошел учиться, чтобы с преступниками бороться. Так это вы написали про Боярского?

– Роман вышел из-под пера Александра Дюма, и в тексте нет упоминаний о псах, – терпеливо разъяснила я.

– Я про другую книгу говорю, смешную, там мужчины и

фокстерьер! – улыбнулся Невзоров.

– «Трое в лодке, не считая собаки»? – осенило меня.

– Почему же псину считать не надо? – с укоризной спросил Андрейка. – Он там за главного. Значит, вы написали эти книжки?

Я сделала вид, что не слышу вопроса. Боже, помоги Шумакову! С таким помощником он точно горы свернет. От злости.

– Первый раз живого писателя вижу, – разоткровенничался Невзоров. – В Вакулове дядя Игорь Гаврилов живет, но он вроде как ненастоящий, работает в парикмахерской, а в свободное время шансы сочиняет! Их в газете печатают, про любовь.

Паренек явно перепутал слова. Наверное, Пушкин местного разлива вдохновенно строчит стансы. Поправлять Андрюшу мне не хотелось.

– А где пирожок? – неожиданно спросил новоиспеченный милицейский начальник.

Вопрос был странный, и я опешила.

– Вы хотите есть? Думаю, на кухне найдется что-нибудь перекусить.

– Так мне на камбуз надо переть? – закручинился Невзоров. – Где он тут?

– Наверное, в подвале, – предположила я. – Или как там называется помещение на корабле, расположенное ниже ватерлинии.

Андрей озабоченно спросил:

– А какую полку он имел в виду? Я только-только на службу пришел, не хочется опростоволоситься. Надо было спросить у Шумакова, да я сконфузился. Еще посчитает меня у.о. Я окончательно потеряла нить беседы.

– Кем? У.о.?

Невзоров с превосходством посмотрел на меня:

– Неужто не знаете? «Умственно отсталый», так в документах пишут, чтобы человека вежливо идиотом назвать. Ну лады, я почапал к коку, авось он про полку с пирогами в курсе.

– О какой полке ты говоришь? – не удержалась я от вопроса.

Андрей моргнул.

– У нас в милиции – как в армии, коли приказано, надо выполнять и не рассуждать. Старший по званию всегда прав. Юрий майор, мне до таких погон еще служить и служить, а еще он из Москвы, с самим Виталием Матвеевичем корешится. О-хо-хо! Вы разве не слышали, как Шумаков мне сказал: «Молодец. Возьми с полки пирожок». Вот только где, не уточнил. Наверное, хочет проверить мою сообразительность.

На секунду мне показалось, что он потешается, потом я посмотрела на простодушное лицо и поняла: Андрей на самом деле собрался идти на поиски выпечки. Нужно тактично объяснить балбесу: Юра пошутил. Я опустила глаза и сказа-

ла:

– Не ходи на кухню. Не надо.

– Почему? Пирожки не там?

– Их нет, – промямлила я. – Юра вел речь о шаурме, которую Лиза съела вчера на речном вокзале.

– Аха! – заулыбался Невзоров. – Типа, надо туда съездить, найти ларек и жарчку у них на анализ взять? Вдруг кура с гриппом была? Я вот никогда ничего готового не беру. У меня сестра Ленка в столовке работает, так я понаслушался от нее, чего они там в фарш пихают, чтобы из кило мяса тонну котлет сделать. А кто мне командировку оплатит? В столицу дорого ехать, за один день мне не управиться, ночевать придется. У нас в Панове бюджет маленький, даже на электричество не хватает, и машины нет, а велосипед у меня сломался, я пока пешком хожу.

Я попыталась подавить рвущийся наружу смех и весьма успешно изобразила кашель. Не знаю, сколь долго мне удалось бы маскироваться, но тут дверь приоткрылась, и в каюту заглянул Юра.

– Эй, пошли, только не орать!

Невзоров нахлобучил на макушку фуражку, и мы сплоченной группой выбрались на палубу. Два парня осторожно спускали по трапу носилки, на которых лежало тело, прикрытое до шеи застиранным темно-синим одеялом. Рядом шла женщина, которая держала в высоко поднятой руке капельницу. Длинная прозрачная трубочка, тянувшаяся от

пластикового мешка, уходила под покрывало.

– Это кто? – ткнул пальцем в процессию Невзоров.

– Елизавета Суханова, – ответил Юра. – Ты сядешь в машину «Скорой помощи» и отвезешь девушку в морг, в Вакулово.

– Не понял! – нахохлился Андрюша. – Живых в морозильник не отправляют.

– На носилках труп, – тихо объяснил Шумаков. – Но мне надо, чтобы все на борту считали Елизавету живой, поэтому я и устроил спектакль с врачами. О'кей?

– Я ваще прибалдел, – затряс головой Андрюша. – Если она жмурик, то за фигом капельница? А если живая, то нельзя в морг!

Шумаков с мольбой посмотрел на меня. Я схватила Андрея за костлявое запястье, потащила по уже свободному трапу на причал, поставила около машины с красным крестом и попыталась вразумить.

– Слушай меня внимательно. Это спецоперация! Чтобы поймать преступника, мы должны заманить его в ловушку. Убийца считает, что удачно расправился с Елизаветой, вероятно, девушка знала некий секрет и могла выдать правонарушителя. Если врачи сделают вид, будто везут Лизу в больницу, киллер сообразит, что ошибся, и повторит попытку убить Суханову. Он начнет разыскивать ее в клинике городка Вакулова, Шумакову останется лишь схватить злодея. Понял?

– Примерно так, – присоединился к беседе Юра, тоже сошедший на пристань.

– Ага, ага, ага, но зачем капельница? – решил прояснить все до доньшка Невзоров.

Юра закатил глаза и быстро отошел к врачам.

– Для правдоподобия, – терпеливо пояснила я.

Невзоров неожиданно обрадовался:

– Вау! Лекарство капают в труп?

– Да!

– Очень плохо! Медикаменты дорогие, их больным не хватает, – продемонстрировал рачительность болван.

– Там вода из колодца, – оправдала я врачей.

– Зачем? Она ж бесполезная! – возмутился горе-сыщик.

– Труп у же не помочь, это спектакль для посторонних, в «Скорой» капельницу уберут, – свистящим шепотом заявила я, испытывая острую потребность столкнуть тупоголового мента в реку.

Даже если Невзоров не умеет плавать, беспокоиться не стоит: бревно, как правило, не тонет, а у этого мента дубовая не только голова, а похоже, и все тело.

– Скумекал! – заорал Андрюша. – Она померла, но прикидывается живой! В пакете вода!

Я наступила идиоту на ногу.

– Молчать! Садись в машину, вы едете в Вакулово, сдашь тело патологоанатому.

Невзоров кивнул и потрусил к «Скорой».

– Спасибо, – горячо воскликнул Юра, когда «рафик», подняв за собой столб пыли, поскакал по разбитой дороге. – Ты спасла меня от совершения тяжкого преступления. Последние десять минут я самозабвенно представлял, как подкрадываюсь к голубчику, хватаю за тощую шею, а потом сладострастно его душу.

– Мои желания были более простыми – спихнуть недоумка в воду, – призналась я. – Полагаешь, он не совершит ошибок?

– От Невзорова требуется только сопроводить останки до Вакулова, – пропыхтел Юра, поднимаясь по деревянному трапу. – Пойдем, осмотрим каюту Лизы. Надо спешить, пока пассажиры затариваются одеялами из лохмотьев.

Глава 5

Каюта Лизы оказалась больше нашей: здесь было три иллюминатора, несколько кресел, большой красный диван с двумя алыми и одной черной подушками.

– Похоже, дядя племянника не уважает, – язвительно заявила я, оглядываясь вокруг. – Тут просторней и шикарней, чем у нас. Как думаешь, почему племянничка поселили в норе, а воспитаннице предоставили люкс?

– Вероятно, Катя хотела устроить Лизе запоминающийся отдых, – предположил Юрасик. – Девушка вылетала из родного интерната, вот директриса и сделала широкий жест.

– Постой! Ты говорил, что Катя – организатор приюта, – напомнила я.

– Точно, – подтвердил Юра. – И она же им заведует, полная хозяйка.

– Хобби с нагрузкой.

Богатые женщины, как правило, предпочитают отделываться деньгами, мало кто хочет ежедневно возиться с чужими детьми. Директору приюта приходится нелегко – он и педагог, и воспитатель, и бухгалтер, и завхоз, и все прочее вместе.

– Добавь сюда еще и няню, – серьезно подсказал Юра. – Катерина целиком и полностью посвятила себя чужим детям. Наверное, потому, что у них с Василием Олеговичем всего

один сын, и тот давно не живет с родителями. Если хочешь, потом расскажу тебе про приют, но сейчас давай осмотрим каюту. Что выбираешь? Санузел или спальню?

– Ванную, она меньше, – сделала я эгоистичный выбор и вошла в помещение с душевой кабинкой, унитазом и раковиной.

Минут через пятнадцать Юра спросил:

– Ну, как дела?

– Первое впечатление: Лиза неряха. Второе. Она невероятная кокетка, позволяющая себе большие траты, – сказала я, возвращаясь в комнату.

Шумаков, стоявший у шкафа, обернулся:

– Да? Мотивируй свои наблюдения.

Я принялась загибать пальцы:

– В стакане нет зубной щетки и пасты, на полочке только губная помада, и все. Более чем дешевое средство макияжа, его купили в переходе у метро. Елизавета не особенно заботилась о гигиене полости рта, не имела крема для лица, дезодоранта, пенки для умывания.

– У приютской девочки нет карманных денег, – возразил Юра. – Наверное, Лиза приобрела самое важное для себя!

– Она жила в доме у Кати, – перебила я его. – Неужели благодетельница не могла дать девушке щетку и пасту? Тратит миллионы на приют и пожалела сто рублей? Но вот теперь внимание! В ванной нет халата!

– Эко удивление, – фыркнул Юра. – Есть женщины, ко-

которые их не носят, просто заворачиваются в большое полотенце.

Во мне неожиданно подняла голову ревность:

– И ты таких знал?

– Не-а, – поспешил откреститься Юра, – приятели рассказывали. И опять же, откуда у сироты подобные изыски? Выдали пижаму – и радуйся.

Я торжествующе ткнула пальцем в пол:

– Но здесь стоят очень симпатичные домашние туфельки характерного вида, они...

– Зачем цепляться к ерунде? – не дослушал меня Шумаков. – Тапки есть у всех.

– Даже у тех, кто в полотенце чапает к кровати, – не удержалась я. – Изволь выслушать меня внимательно. Ну-ка, глянь.

– Так слушать или смотреть? – с самым серьезным видом осведомился Юра.

– А два действия одновременно совершить слабо? – обозлилась я. – Ну и как тебе обувь?

– Ничего, – равнодушно отреагировал Юра. – На мой взгляд, неудобная, высокий каблук, пальцы открыты, пятка наружу. В таких холодно, и ноги не отдыхают. Анька, моя сестра, ходит в прикольных чунях из овчины. И эти босопятки непрактичны, у них розовый помпон из пуха, начнешь щи готовить, капнешь на него, и, прощай, красота!

– Пещерный человек! – с чувством произнесла я. – Такие

пантофли надевают в особых случаях, в них суп не варят.

– Да? – изумился Юра. – Зачем же они нужны?

– Для эротики, – пояснила я. – Теперь представь: ты лежишь в постели, и тут появляюсь я, только что из ванной, вся душистая-пушистая, сбрасываю кружевной пеньюар и...

– ...мне наплевать на тапки, – перебил меня Шумаков. – Халата тоже не надо! Глупая идея закутываться в тряпки! Лучше сразу из-под душа ко мне.

– Варвар, – вздохнула я. – Кое-кто из мужчин имеет другое мнение по данному поводу. Видишь, что написано внутри очаровательных тапочек?

– «Агент Провокатор», – прочитал Шумаков. – Ну я вообще запутался. Босопятки для спецслужб?

– Ты где живешь? – накинулась я на майора.

– В Москве, – серьезно ответил Юра.

– И не слышал про фирму «Агент Провокатор»?

– Нет.

– Ее создал сын модельера Вивьен Вествуд, – начала я просвещать кавалера. – Мамаша – знамя эпатажа до сих пор, а ей много лет, носит вызывающие мини-юбки и красит волосы в огненно-рыжий цвет. Сыночек придумывает провокационное белье, которое женщины надевают на свидание, если предполагают завершить вечер в постели. Эта обувь из коллекции для дома, в комплект обычно входят халатик, пояс с чулками, шикарные лифчики, боди.

– Пока свою любимую из этого хлама вытащишь, утро на-

станет, на работу будет пора, – заржал Юра.

Я решила отложить лекцию об эротическом белье на потом и сунула майору под нос шлепки:

– Знаешь, сколько они стоят?

– Ну... дорого.

– Точно. Назови цену!

– Тысячи две? – прищурился Юра.

– Ну уж нет.

– Одну?

– Больше!

– Три? – с недоверием спросил Шумаков.

– Они дороже твоей месячной зарплаты, – грустно ответила я.

– Офигеть, – присвистнул майор. – А с виду ерунда дерьмовая!

– И еще, в корзинке с мусором я нашла пару ватных дисков, Лиза снимала ими макияж.

– Ничего странного, многие перед сном умываются! – не понял Шумаков.

– Елизавета воспользовалась специальным молочком, вата приобрела темно-фиолетовый цвет. Я знаю, чем девочка удаляла косметику – сливками «Аленка», они пахнут гнилым арбузом, зато стоят недорого. Их любит Кристина, дочь моей подруги Тамары, – терпеливо говорила я. – Но бутылочки на зеркале нет. Кто ее забрал? И еще, там же лежал пустой флакон из-под духов. Вот он!

Шумаков взял у меня грушевидный розовый пузырек и прочитал название:

– «Агент Провокатор». Надо понимать, та же фирма, что варганит тряпки? Фу, ну и запах! Отвратительнее ничего не нюхал.

– Многим нравится, считается, что данный аромат возбуждает мужчин.

Юра оглушительно чихнул.

– Вилка, умоляю, не пользуйся этой дрянью! Намного лучше запах ландышей, жасмина или сирени. Есть такие цветочные духи!

– Непременно учту твои пожелания, – пообещала я, – но сейчас у нас рабочий момент, и на повестке дня вопрос: если Лиза сэкономила на всем, то откуда у нее домашние туфли и парфюм от дорогой фирмы?

– Любовник подарил, – не задумываясь, ответил Юра. – Преподнес для украшения сексуальной жизни.

– Логично, – одобрила я. – Вот только крохотная нестыковочка. Лиза жила в интернате. Тамошняя атмосфера не располагает к длительным эротическим играм, наверное, Елизавете и ее Ромео приходилось устраиваться в постели в те минуты, когда парень мог тайком прошмыгнуть в гости. Здесь уж не до торжественных выходов из ванной в облаке феромонов и с розовыми туфельками на ножках. В любой момент могут застучать.

– А зачем ей устраиваться в своей койке? – пожал плечами

Юра. – У мужика, вероятно, есть квартира, она к нему ходила! А на «Летучий samozванец» взяла подарки любовника.

Я ощутила себя идиоткой. Ну почему столь простой вариант не пришел мне в голову? Шумаков не обратил внимания на мою растерянность, он продолжал:

– Наличие духов и дорогой обуви можно хоть как-то объяснить, но я нашел вот это!

Перед моим лицом закачалась треугольная косынка истошно-красного цвета. Я не нашла в ней ничего удивительного.

– Это всего лишь платок.

– Он тебе ничего не напоминает? Ну-ка, напряги извилины, – приказал Юрасик. – Ты определенно носила подобный.

– Никогда в жизни. Мне не идет цвет перезрелого помидора! И качество оставляет желать лучшего, – зачастила я. – Это стопроцентная синтетика, холодная на ощупь, скользкая.

Шумаков набросил лоскут себе на шею.

– А так?

– Пионерский галстук, – ахнула я. – Разве их еще выпускают?

– Атрибут совсем новый, – кивнул Юра, развязывая галстук.

Я взяла его и стала изучать.

Шумаков с чувством продекламировал:

– Как повяжут галстук, береги его, он ведь с нашим зна-

менем цвета одного!

Я села в кресло.

– Ты знаешь речевку? Откуда? Успел побывать в пионерах?

Юра подошел к шкафу и выдвинул самый нижний ящик.

– Там лежал пакетик, я развернул его и увидел галстук. Думаю, аксессуар приобрели в магазине «Три медведя и Маша»⁵, на фирменном мешке есть логотип лавки, вместе с галстуком были белые ажурные гольфы и самые простые темные колготки.

– Зачем Лизе вещи для третьеклассницы времен построения социализма? – подскочила я.

– Не знаю, – ответил Шумаков. – Вообще ничего в голову не приходит.

– Надо спросить у Кати! – осенило меня. – Вероятно, воспитанницы подготовили номер самодеятельности, песню, стихи или небольшую сценку, а ты обнаружил реквизит для представления. Если мы примем версию о кавалере, который преподнес Лизе домашнюю обувь с духами, и выясним, что девочка репетировала отрывок из пьесы, то все недоумения исчезнут. Останется лишь одно: почему Лизавету поселили в столь шикарной каюте?

– Мы уже закрыли эту тему, – отмахнулся Юра. – Катя сделала подарок сироте.

– Катерина знает, что воспитанница умерла?

⁵ Название придумано автором, все совпадения случайны.

– Нет, – отрезал Юра. – Думает, что Лизе плохо, она без сознания и ее отправили в больницу. Самойлов пока не хочет нервировать жену.

– И долго вы с Василием Олеговичем собираетесь скрывать правду? – возмутилась я.

Шумаков задвинул ящик.

– Во-первых, нам неизвестна причина смерти Елизаветы. Возможно, девушка действительно отравилась некачественным фастфудом. Истина прояснится после вскрытия.

Я скривилась.

– Считаешь, в городке Вакулове оборудована современная криминалистическая лаборатория, а местный патологоанатом – гений?

Юра поманил меня в коридор:

– Не стоит демонстрировать снобизм. Подчас в провинции служат уникальные специалисты, которым москвичи в подметки не годятся. Но я, к сожалению, знаю врачей из Вакулова, у них начальник редкостный дятел, а каков поп, таков и приход. Тело Елизаветы доставят в Москву, заниматься им будет мой приятель Тельман Руфов, я ему доверяю больше, чем себе. Но перевозка займет время, нам же надо копать на месте. Если Лизу убили, то преступник здесь, на теплоходе, и с большой долей вероятности он и есть предатель. Пока речь шла о бизнес-шпионаже, я не нервничал, но после кончины Сухановой дело приняло иной оборот. Нам...

– Нам? – перебила я Юру. – Ты постоянно употребляешь

это местоимение, хотя я здесь ни при чем. Ты привез меня на судно, ни словом не обмолвившись о подоплеке прогулки, сказал лишь об отдыхе, прикинулся племянником Самойлова.

– Честное слово, я хотел ввести тебя в курс дела, но не успел, – опять соврал Юра, – было уже поздно!

– Мы ехали до Речного вокзала по пробкам! – возмутилась я. – Добирались почти два часа, не говоря уже о том, что накануне ходили в кино! Ты просто не пожелал мне открыться!

Шумаков резко остановился, я налетела на него и очутилась в его объятиях.

– Мне нужна твоя помощь! Не дуйся! – попросил он.

Я не способна долго сердиться на Юру, а он пользуется моей слабостью, и, похоже, одному ему будет сложно. Я кивнула, Юра еще крепче прижал меня к груди, я закрыла глаза...

– Простите, не хотел вам помешать! – заорали сбоку.

Мы отскочили друг от друга, и я тут же обозлилась. Ну что за детские реакции? Нам не по двенадцать лет, мы взрослые, свободные от обязательств люди, имеем право целоваться сколько душе угодно. Юра тоже вскипел и сердито гаркнул:

– Невзоров! Какого черта ты здесь топчешься? Я велел тебе сопровождать тело Сухановой в Вакулово.

Глава 6

Андрюша испугался и принялся оправдываться:

– Я сел в «Скорую», докатили до отделения, мне понадобилось барсетку прихватить, нельзя без документов и денег в местную командировку подаваться. Вернулся к машине, а санитар и говорит:

– Под завязку народ набился, тебе уже не влезть.

– Кто, куда и зачем набился? – взвыл Шумаков, у которого закончился запас терпения.

Андрюша снял фуражку.

– Народ «Скорую» увидел и рванул к машине. Баба Феня животом мучается, Варвара Нютина вроде руку вывихнула, опухла она у нее и посинела, Иван Сергеевич за лекарством в аптеку намылился, Анька Субботина со своими близнецами к зубному давно хотела!

– Труповозка не троллейбус! – пошел вразнос Шумаков.

Невзоров стал переминаться с ноги на ногу.

– Оно, конечно, так. Да только как народу в Вакулово попасть? Автобус вечно набит битком, то придет, то сломается. Бабе Фене восемьдесят. Варька хоть и молодая, да сто кило весит, Иван Сергеевич на протезе, он по пьяни в комбайн ногой попал, а Субботиной двух вертлявых пацанов на горбу не унести. Машин ни у кого нет, а тут прямиком к доктору доставят. Труп на носилках лежит, люди у стен, на лавочках

сидят, всем хорошо!

– Назад инвалидная команда как отправится? – неожиданно мирно спросил Юра.

– Из Вакулова маршрутки ходят, – объяснил Андрей, обрадованный улучшением настроения майора из Москвы. – Они в Крюков фигачат и по требованию в Паново притормозят. Ну не мог я людей выпереть, вы уедете, а мне с ними жить. Баба Феня хоть и старая, а злопамятная, и остальные не простят. Понесут по округе весть: в милиции одни сволочи работают, Невзоров высадил стариков с детьми, а сам в комфорте покатил! Ваш теплоход в Вакулово идет, добросьте меня!

– Как же ты по местности передвигаешься, когда теплохода под рукой нет? – не успокаивался Юра.

– На велосипеде! – признался Андрюша. – Но в пятницу он сломался навсегда! На новый я пока не накопил.

– Черт с тобой, оставайся, – принял решение Шумаков. – Я договорюсь с капитаном, но не попадайся на глаза гостям.

– Спрячусь мышкой, – обрадовался Невзоров. – Можно баул взять? Он на причале остался! Пожалуйста! Разрешите его прихватить, баул никому не мешает.

– Бери, – смилостивился Шумаков. – Горит озеро, гори и рыба.

– Вы очень человечный и добрый, – польстил майору Андрюша. – Не каждый поймет и разрешит баул при себе держать. Спасибо! Огромное! Мне его никак не оставить!

– Деревенские жители не испугались около трупа сидеть? – запоздало удивилась я.

– Так он не кусается, – хмыкнул Андрияша. – Лежит себе тихонечко, не буянит.

– Хватит болтать, – вновь закипел Шумаков, – а то передумаю! Рыси на пристань за своим приданым.

Невзоров втянул голову в плечи и со скоростью испуганной ящерицы юркнул к трапу.

Обед подали в пять двадцать. Не успела вся честная компания сесть за стол, как я ощутила толчок и поняла, что теплоход, отчалив от Панова, лег на курс к Вакулову. В столовой аппетитно пахло супом, на первое подали что-то протертое, не слишком привлекательное на вид, но вполне приемлемое по вкусу. Гости бойко орудовали ложками. Первой светскую беседу начала Тина.

– А мне мама купила заколочки, – объявила она, – вот! Зелененькие! Красивые, да? Хорошие? Мама, почему тетя не отвечает?

– Солнышко, Алина обедает, – терпеливо пояснила Манана. – Когда я ем, я... Ну, продолжи, милая.

– Я ем! – захлопала в ладоши Тина. – А что у меня в тарелке? Каша? Не хочу! Фу! Не люблю геркулес! Мама! Ну пожалуйста! Мои заколочки лучше, чем у них, верно?

Тина ткнула пальцем в самый край стола, где чинно ели первое сироты. Я невольно посмотрела на девочек. Ира при

помощи двух заколок, декорированных пластиковыми божьими коровками, сделала два хвостика. Светлана украсила такой же челку. Мне вспомнился точь-в-точь такой же аксессуар, найденный в санузле каюты Лизы, вероятно, Катя покупает воспитанницам некоторые вещи оптом.

– Мои красивше, – подпрыгивала Тина.

– Не надо хвастаться, – остановила дочь Манана.

Тина выпятила нижнюю губу и капризно затянула:

– Скажи! Мои самые хорошие!

– Конечно, – неожиданно ответила Ира, – не волнуйся.

Наши заколки неудобные, они вечно из волос выскальзывают и теряются!

Тина забила в ладоши и опрокинула на скатерть бокал с водой.

– Если ребенок не умеет вести себя прилично, его следует оставлять дома, – жестко заявила Алина. – Для хорошего усвоения пищи ее нужно принимать в комфортной обстановке, наслаждаясь классической музыкой.

Тина ощутила исходящую от Бортниковой агрессию и повернулась к ней:

– Я плохо себя веду?

– Отвратительно, – не сжалилась над больной Алина, – гаже некуда. Ешь молча!

Глаза бедной девушки наполнились слезами, она зачерпнула ложку супа, поднесла ко рту и раскашлялась. Брызги полетели в разные стороны, Манана протянула дочери сал-

фетку.

– Прикрой ротик.

– О боги! – закатила глаза Алина.

Ира снова оторвалась от обеда и спросила у Кати:

– Можно я возьму Тину и мы посидим в кают-компании?

– Правильное решение, – одобрила Катя.

Ира повернулась к Тине:

– Хочешь посмотреть мое рукоделие? А ты покажешь мне

новые заколки.

Тина рванулась со стула и чуть не упала, запнувшись о ковер. Ира подхватила девушку и быстро ее увела. Манана со спокойствием патриция доедала суп. Наверное, мать придерживается политики невмешательства, считая, что Тина имеет право на полноценное общение, не стесняется умственно отсталой дочери, не прячет стыдливо ее в четырех стенах, а выводит в свет. Если кому-то не нравится отстающая в развитии девушка, то недовольный волен встать и уйти. Я мысленно зааплодировала Манане. Она молодец, а кое-кому необходимо понять: люди бывают разные, а солнце восходит для всех, оно светит не только академикам, но и таким, как Тина.

Неприятную тишину, возникшую после ухода девочек, нарушила Аня Редька.

– Я купила очаровательное одеяло, цвета подобраны с большим вкусом, сшито удивительно аккуратно.

– А я откопала кофту! – живо подхватила Катя. – Вышив-

ка изумительная, сейчас этно в моде. Жаль, Виола, вас с нами не было.

Леонид Зарецкий засмеялся:

– Они с Юрой молодые, хотели наедине остаться.

Я сделала вид, что не слышу, а Вика, жена заведующего лабораторией, захлопала в ладоши:

– Прямо как мы, папочка! Давай откроем наш секрет! Пусть все знают!

– Не сейчас, котик, – ласково ответил Леонид. – Лучше вечером, за ужином.

– Но мне хочется! – капризно протянула Вика. – Надоело молчать! Ты обещал!

Зарецкий взял жену за руку, нежно поцеловал ладошку и спросил:

– Можно вместо второго попросить кофе? Слишком жарко для мяса.

– Капучино тоже не холодный, – затеяла новую свару Алина.

Зарецкий добродушно глянул на Бортникову.

– Странно, да? Котлета кажется излишне горячей, а кофе значительно более высокой температуры воспринимается как освежающий напиток!

Никита Редька засмеялся:

– Человек горазд на парадоксальные поступки. В прошлую пятницу стояла жуткая жара, я просидел до восьми вечера в офисе при постоянно работающем кондиционере,

выпил, наверное, десять литров воды со льдом, потом сел в машину, где тоже включил на полную мощь «кондиционер» и поехал... в баню, чтобы со вкусом попариться.

– Из всего вами перечисленного последнее – самое разумное мероприятие, – с видом учителя, отчитывающего второклашку за поспешный ответ, объявила Алина. – После парилки следовало выпить горячего чая и закутаться в стеганый халат. Так поступают на Востоке, плотная материя поддерживает температуру тела неизменной.

– Мне показалась смешной сама идея ехать в баню в автомобиле с работающим кондиционером, – поддержала мужа Аня. – А еще встречаются люди, которые в мороз купаются в проруби.

– Моржи, – подала голос Катя. – Я как-то решила закаливаться, но не смогла даже ногу в ледяную воду опустить. Психологически трудно нырять в реку зимой при падающем снеге.

– Солнышко, – обратился Леонид к жене, – сделай одолжение, принеси мой мобильный, вроде я оставил его в шезлонге на палубе.

Вика скривила хорошенькое личико и поманила пальцем маячившего у буфета официанта.

– Сгоняй за телефоном.

Тот молча ушел, по лицу Зарецкого пробежала тень досады, столь мимолетная, что ее было практически незаметно. Я уловила это выражение случайно и поняла: красивая,

молодая, но глупая и ленивая жена порой раздражает ученого, создающего рецепты новых конфет. Мысленно я переместила Леонида во главу списка подозреваемых в предательстве. По какой причине люди решаются заняться экономическим шпионажем? В основном из-за денег. Конечно, звонкая монета нужна всем, но если у мужчины жена – белокурое существо, жаждущее отдохнуть непременно в Майами, получать в подарок колечки, сережки, покупать модную одежду и иметь прислугу, то его расходы часто побивают доходы. А Вика показалась мне избалованной сверх меры. Попроси меня Юра притащить ему телефон, я бы спокойно встала и отправилась за ним. Представляю, как сейчас некоторые дамы возмущаются, восклицают: «Вилка, это менталитет поработавшей женщины! Что за хамство! Велел спутнице стогнать за мобилой! Не смей даже вздрагивать! Принесешь в зубах трубку, в следующий раз любовник тебя за сигаретами погонит. Нужно уважать себя».

Но мне кажется, ничего хамского в такой просьбе нет: сегодня я помогу ему с телефоном, завтра он мне подаст кофе в постель. Но Вика убила одним выстрелом двух зайцев: она выполнила пожелание Леонида, ухитрившись не сдвинуться с места.

Внезапно послышался звон и тихий вскрик:

– Ой!

Все повернули головы на звук. Красная, словно перезревший помидор, Светлана пробормотала:

– Я тарелку разбила!

– Надо быть аккуратней, – укорила девочку Катя.

– Она не нарочно, – заступился за сироту Василий Олегович. – Ерунда, посуда копеечная.

Света нырнула под кресло.

– Я соберу! Ой!

– Что теперь? – недовольно спросила Екатерина.

– Порезалась, – прошептала Светлана, – совсем чуть-чуть.

Хозяйка приюта спокойно приказала:

– Ступай в ванную, промой царапину и возвращайся к столу.

– Осколки... – заикнулась Света.

Катя ее перебила:

– Светлана, если дети сидят со взрослыми за одним столом, они не должны им мешать и привлекать к себе всеобщее внимание, ясно? Остатки тарелки уберет официант.

Семиклассница быстро вскочила и убежала. Разговор за столом неожиданно перешел к теме дайвинга. Оказалось, что Никита Редька считает изучение подводного мира самым лучшим отдыхом.

– Вот где красота, – с чувством вещал художник.

– Как там, расскажите! – захлопала в ладоши Вика.

– Слов не хватит, – вздохнул Редька. – Тишина и великолепие.

– Тогда лучше взять с собой айпод, – посоветовала жена Зарецкого. – Страшно, когда никаких звуков нет!

Леонид крикнул, Катя смущенно улыбнулась, но Вика, не сообразив, что сморозила очередную глупость, весело продолжала:

– Наверное, в океане попадаются хищники?

– Да, – подтвердил Никита.

– И вам не страшно? – округлила голубые глаза Вика. – Вдруг они нападут?

Аня отложила ложку.

– Никита старается не посещать места обитания акул, хотя, конечно, встречи с опасностью исключить нельзя. Не так давно около Владивостока погиб его знакомый дайвер.

– Ужас! – поежилась Катя.

– Вот и отдохнул с аквалангом, – подхватил Василий Олегович. – Не надо лезть под воду, человек сухопутное животное.

– А зачем акула убила вашего приятеля? – любопытствовала Вика.

Идиотизм вопроса поразил присутствующих, но все отреагировали по-разному. Манана уставилась на жену Зарецкого, Никита раскашлялся, Аня принялась сосредоточенно намазывать кусок хлеба маслом. Василий Олегович рассмеялся, Юра толкнул меня под столом ногой, а вот Алина неожиданно ответила:

– Акула воспринимает человека как пищу.

– Ой! – взвизгнула Вика и прижала ладони к лицу. – Я и не подумала. А вот фильм «Челюсти»...

– С точки зрения диетологии, дайвер – не лучшая закуска, – перебил ее Василий. – Но простой отдыхающий еще хуже, он весь пропитан алкоголем.

В столовую вошел официант.

– Простите, – сказал он Вике. – Я осмотрел все шезлонги, нигде трубки нет!

– Пустяки, вероятно, я в каюте ее оставил, – объявил Леонид. – Мне сейчас она не нужна.

Я удивилась: если у тебя нет срочной необходимости в звонке, зачем отправлять жену на палубу? Официант поставил опустевшие тарелки на поднос и удалился.

Вика взяла со стола чайную ложечку и начала вертеть ее в изящных, украшенных кольцами пальцах.

– А перед Новым годом вы под воду опускаетесь? – спросила она у Никиты. – Ну, когда совсем холодно и вода ледяная?

– Нет, – ответил Редька, – предпочитаю отдых в теплых краях.

– Интересно, – протянула Вика, – а что едят в декабре акулы, если никто с аквалангом не плавает?

Лицо Леонида вытянулось. Да уж, если взял в жены куклу Барби, то будь готов к казусам в светской беседе. Несколько лет назад, когда я еще была женой Олега Куприна, нас пригласил в гости Саша Федотов. Мне не очень хотелось отправляться на вечеринку, которую Федотов затеял, чтобы отпраздновать месяц совместной жизни с новой супругой. Я

любила его прежнюю жену и не одобряла уход Саши к восемнадцатилетней красотке, но Куприн настоял, и мы очутились в просторной квартире Федотова. Сначала я с грустью отметила, что новобрачная уже успела избавиться от безделушек предшественницы и даже сменила мебель, но потом появился повод для веселья. В середине вечера приехал Ваня Суворов. Как всегда, он принес гитару, сел в кресло и объявил:

– Музыкальная пауза! Поют все.

– Ой, как угарно! – обрадовалась юная жена Федотова. – Вы пианист, да?

Похоже, Вика Зарецкая – родная сестра той девицы. Или я старею и поэтому стала нетерпимой к молодым девицам?

Глава 7

Повисшую в столовой тишину нарушил странный цокающий звук из коридора. Прежде чем я успела понять, кто его издает, из коридора долетел истошный женский вопль:

– Иван Василич! Волки! Люди, помогите!

Василий Олегович в сердцах швырнул на стол полотняную салфетку.

– Немедленно позовите сюда капитана! Неужели на борт взяли посторонних?

Официант откашлялся, снял трубку висевшего на стене телефона и с почтением сказал:

– Ивана Васильевича просят срочно зайти в столовую для гостей.

– Волк! Волк! – надрывалась баба. – Готовьте лодку, я на берег схожу!

– Это переходит все границы, – зашипел Самойлов, и в ту же секунду из коридора вошел подтянутый мужчина средних лет. Он не успел издать ни звука, потому что Василий Олегович напустился на него, не скрывая гнева.

– Иван, объяснитесь! Теплоход зафрахтован полностью для моих гостей! Откуда на нем посторонние? Я заплатил немалую сумму, чтобы друзья могли насладиться отдыхом на воде и тишиной. Кто орет на палубе?

Иван Васильевич попытался сгладить конфликт:

– На борту только вы и команда. Мы соблюдаем условия договора.

– Тогда чей визг разлетается по окрестностям? – нахмурился Никита. – И почему дама поминает волка?

Иван Васильевич отвел глаза.

– Это Маргарита, посудомойка, она впечатлительная, наверное, крысу заметила, ну и не сдержалась!

– Крысу! – взвизгнула Вика. – Папочка! Я боюсь! Ой! Спаси меня!

Леонид отечески обнял жену:

– Солнышко, не беспокойся, капитан пошутил!

– На теплоходе грызуны? – загремел Самойлов. – Вот приятная новость! Куда смотрит санэпидемстанция! Я этого так не оставлю! Подам в суд на владельца и стребую несколько миллионов за испорченный отдых.

Видно, Иван Васильевич сообразил, что сморозил глупость, и решил исправить оплошность:

– Пасюков здесь нет, как вы правильно заметили, санитарные врачи не дремлют. Маргарита у плиты весь день стоит, устает, и ей всякая чушь мерещится. У нее судьба тяжелая, муж алкоголик, московскую квартиру пропить умудрился, для Риты теплоход – дом родной.

– Избавьте нас от необходимости выслушивать подробности чужой биографии, – вспыхнул Леонид.

Капитан набрал в грудь воздух, но сделать очередное заявление не успел.

– Медведь! – заголосил густой бас.

– Волк, – вторила ему Рита, – бежим!

– Командой овладело массовое безумие, – без малейшего признака волнения сказал Никита. – Просто фильм «Катастрофа в океане». Если кто не смотрел, поясню. На большом корабле начинается болезнь: люди видят монстров...

Из коридора полетел истощенный визг, дверь в столовую распахнулась, словно от мощного удара ногой, в комнату, бешено сопя, вбежало жуткое существо. Серо-черная клокастая шерсть густо покрывала зверя, из-под неровно подстриженной челки блестели злобные глаза, сверкали оскаленные, желтые, кривые, но острые зубы. В клыках было зажато что-то бело-рыжее.

– Мама! – хором заорали Манана и Вика, вскакивая на свои кресла.

Мы с Аней беззвучно взгромоздились на диван, Катя сползла под стол (видимо, она надеялась, что ее скроет свисающая до пола скатерть). Леонид, забыв напрочь о любимой жене, одним прыжком преодолел расстояние до стены, в которой не было иллюминаторов, и... исчез. Но мне было не до изумления, потому что чудище фыркнуло, выплюнуло добычу и стало теревить ее лапами.

– Собачка! Она убила дворняжку! – судорожно прошептала Аня. – Смотри, терзает ее останки!

Мне стало нехорошо. Чтобы не упасть, я схватилась за жену художника и зажмурилась.

– На помощь! – завопил Василий Олегович. – Ловите ее! Стреляйте! Метайте ножи!

Я приоткрыла один глаз и поняла: участники круиза остались наедине с волосатым монстром, капитан и официант с позором сбежали, Шумакова тоже нет в столовой. Леонид каким-то чудом прошел сквозь стену, Никита и Василий Олегович лишились как условных, так и безусловных рефлексов, мы с Аней боимся пошевелиться на диване, Манана и Вика окаменели на стульях. Одна Алина сидела над тарелкой: наверное, ее парализовало от страха.

Чудовище оставило свою жертву и оглушительно икнуло. Меня затошнило. Монстр никогда не пользовался зубной щеткой, не посещал стоматолога и не употреблял ментоловый освежитель для пасти.

– Он их ща сожрет, – прошептала из коридора женщина. – Похоже, из Карякина оборотень.

– А чего, в Карякине питомник гоблинов? – спросил прокуренный баритон.

– Ты не в курсе? – изумилась тетка. – Когда Чернобыль накрылся, облако аж до Тульской области дошло, потом на Карякино надвинулось и там задождило. С тех пор у карякинцев коровы с двумя головами и куры на шести ногах рождаются. Надо дверь в столовую закрыть, пусть урод олигархов схарчит, тогда он нас не тронет!

Створка хлопнула о косяк: корабельная команда решила пожертвовать пассажирами ради собственной безопасности.

Своя рубашка, как известно, ближе к телу.

– Что делать будем? – одними губами спросила Аня. – Может, набросимся на него и скрутим?

И тут Алина, издав боевой клич носорога, метнула в жуткое создание вилку. Столовый прибор не нанес страхолюдине ни малейшего ущерба, похоже, шерсть у зверушки по толщине и прочности превышала строительный утеплитель, серебряный четырехзубец угодил ему в спину и остался стоять, как зубочистка в желе.

Диетолог решила не сдаваться. В чудо природы полетели другие столовые приборы, вскоре всклокоченный урод стал напоминать дикобраза-переростка, только вместо иголок из него торчали вилки и здоровенная пика, которой раскладывают мясо на тарелки. Пример Алины вдохновил и нас с Аней. Я швырнула в монстра диванную подушку и не промахнулась. Она упала на бездыханную бело-рыжую собачку. Дикобраз зарычал, вцепился в думку и разодрал ее с такой легкостью, с какой ярываю бумажную салфетку.

Аня схватила с журнального столика пустую стальную вазу и запулила ее в непрошеного гостя. Ваза с гулким звуком угодила в голову зверюги.

– Получи, фашист, гранату! – затопала ногами Редька. – Сейчас он без чувств свалится.

– Вау, – завизжала Вика, – у него голова чугунная! Вазончик помялся, а ему, блин, по барабану! Леня! Папочка!

– Не ори, – прошипел Василий Олегович, сидевший на ко-

моде между двумя канделябрами. – Не надо злить чудовище!

– Брось в него подсвечник, – попросил Никита.

Директор схватил бронзовую красоту. Бах, бах – оба подсвечника пролетели мимо.

– Кривой Глаз – друг индейцев, – хихикнула Аня.

– Надо с ним подружиться, – предложила Манана.

– Начинай, – приказал директор. – Спускайся, обними его, предложи чашку кофе!

– Худой мир лучше доброй ссоры, – сказала Манана и вывалила на пол содержимое салатника.

Чудо-юдо стало жадно поглощать угощение.

– Вот видите? – торжественно объявила пиар-директор. –

Он полакомится и нас полюбит!

Никита ткнул пальцем в пол:

– Глядя на труп кошки, я сильно сомневаюсь в возможности установить с живоглотом парламентские отношения.

– Это собачка, – меланхолично возразила Аня.

– Кошка, – уперся художник. – У псов не бывает такой тонкой шерсти. Не спорь, у живописцев очень острый взгляд.

– Надеюсь, мешанина из белков с углеводами, сдобренная жирным соусом, нокаутирует печень и желудок пришельца, и он подохнет! – злобно каркнула Алина. – Пищу на теплоходе никак нельзя назвать здоровой!

Огромная голова оторвалась от ковра, похожий на лопату язык вывалился из пасти, вилки в спине зазвенели.

– Мама! – запищала Вика. – Папочка! Спаси!

– Твой папик удрал, – фыркнула Алина. – Делай правильные выводы.

Манана высыпала на ковер содержимое хлебницы. Монстр не побрезговал ни нарезным, ни бородинским, он вмиг все проглотил и угрожающе зарычал.

– Люди! – заорал Василий Олегович. – Сволочи! Сюда!

В столовую очень тихо протиснулся Юра, в руках он держал ярко-желтый баллон.

– Эй, ты, повернись! – приказал майор.

Мы все, включая монстра, резко повернули головы и впились в Шумакова взглядами. Юра нажал на дозатор, из круглой тубы вырвалась белая струя пены и попала в живот Мананы. Та беззвучно, словно высохший лист, свалилась с кресла прямо перед оскаленной пастью монстра.

– Он ее загрызет! – закричала Аня, соскакивая с дивана. – На, на, иди сюда, ням-ням!

Я бросилась за женой художника, Юра направил баллон на стокилограммовое чудище. Редька бесстрашно вцепилась в спину животного, я попыталась накинуть на него сорванную с софы накидку. Монстр неожиданно жалобно запищал и нырнул под стол.

– Спасите! – завизжала Катя.

Юрасик рыбкой нырнул вслед за зверюгой.

– Милый! – испугалась я и шмыгнула за ним.

Под столом было темно, плотная темно-коричневая ска-терть не пропускала света, действовать приходилось на

ощупь.

– Помогите, – рыдала Катя. – Он тут, чувствуете жуткий запах?

– Спокойствие, милиция уже здесь, – пробасил Шумаков, забывший, что ему нельзя раскрываться перед подозреваемыми в шпионаже. – Без паники, сначала выведем женщин и детей, потом оставшихся лиц.

Я пошарила рукой по спине урода, нащупала вилку, выдернула ее и попыталась уколоть его.

– А-а-а, – заорала Катя. – Он меня кусает!

– Прости, прости, – зашептала я. – Случайно в тебя попала.

Договорить мне не удалось. Короткий, резкий свист, и неведомая сила повалила меня на пол, кто-то с урчанием и хрюканьем прополз по мне, затем на секунду перед глазами появился свет, и снова потемнело.

– Он ушел? – прошелестела Катя.

– Он убежал! – заорала Вика.

Мы с Юрой и Катей выбрались из-под стола, Василий Олегович спрыгнул с комода.

– Кто это был? – простонала Манана, сидя на ковре.

Самойлов схватил трубку телефона.

– Если сюда немедленно не явятся капитан и уборщица вместе с официантом, я разнесу эту гадскую посудину в щепки!

Никита опустился на диван.

– Признаюсь честно, я перепугался до икоты. К нам приходил саблезубый мамонт?

Вика осторожно спустилась со стула.

– Папочка! Ты где?

Из стены высунулась голова Леонида.

– Все целы?

– Как вы проникли в деревянную панель? – поинтересовалась Аня.

Зарецкий неуклюже выкарабкался наружу.

– Здесь небольшой шкаф, – пояснил он.

– Удивительно, как крупный мужчина уместился там, куда и кошка не влезет, – покачал головой Никита.

– В момент опасности в человеке пробуждаются неведомые силы и способности, – ответила Аня.

– Кошка! – взметнулась с пола Манана. – Боже, я сидела на трупе!

– Мама! – взвизгнула Вика, вскакивая на стул. – Папочка! Реши проблему!

В столовой один за другим появились капитан, официант и рыжеволосый парень со шваброй. Я узнала матроса. Именно он встретил нас в день прибытия на теплоход у трапа и отвел в каюту.

Леонид приосанился:

– Выбросьте останки животного за борт.

– Не положено, – заспорил Иван Васильевич. – Река – не место для отходов!

– Хорошо, – согласился Зарецкий. – Утилизируйте это, как надо!

– Уберите здесь и подавайте обед, – метал гром и молнии Василий Олегович. – Кто сейчас заходил в столовую?

– Я и члены команды, – отрапортовал капитан.

– Я спрашиваю про зверя! – добавил металла в голос кондитер. – Того, который...

– Не знаю, – быстро перебил его Иван Васильевич. – Маргарита сказала, что он из тумана возник, а потом в нем же и растаял. Во второй половине дня наступили сложные метеоусловия, мы движемся в «молоке».

– Наверное, это призрак боевого слона Александра Македонского, – загробным голосом заухал Никита.

Алина подперла голову рукой.

– Он собака. Небось от хозяина удрал.

Иван Васильевич галантно склонил голову к плечу:

– Не хочется спорить, но вы ошибаетесь. На судне нет животных.

– Его тайком провели, – упорно стояла на своем диетолог, – без вашего ведома.

– Без меня тут даже муха не чихнет! – гордо вскинул голову Иван Васильевич. – На флоте закон строгий: капитан на судне бог.

Алина встала.

– Когда полкан залез под стол, он сначала там возился, потом из коридора приоткрыли дверь, свистнули и сказали:

«Сюда! Ко мне!» – и барбос стрелой полетел на зов.

– Собак ростом с телефонную будку не бывает, – протянул Никита.

– Последняя из рода Баскервилей, – шепнул мне на ухо Юра.

– Иван Васильевич, можно я ее себе возьму? – спросил матрос, протиравший палас щеткой. – Хорошая вещь, Таньке подарю!

Я посмотрела на него и вздрогнула: парень наклонился над бело-рыжей мохнатой кучкой. Невольно у меня вырвался вопрос:

– Вы хотите преподнести подруге труп кошки?

– Ну не выбрасывать же его? – хозяйственно возразил корабельный служащий, поднял шкуру, встряхнул...

– Это моя шубка! – завизжала Вика. – Папочка! Манто сперли!

– Оно тут валялось, – попятился юноша. – Иван Василич велел в мусор его отправить.

– Папочка, – заканючила Вика. – Смотри, весь мех облюн-нявлен, воротник пожеван!

– Безобразие! – взорвался Леонид. – Шуба стоила пятнадцать тысяч долларов!

– Едрена Матрена, – опешил матрос и выронил то, что я вначале приняла за безвременно погибшую кошку.

– Пятнадцать кусков зелени? – недоверчиво повторила Алина. – Вас бессовестно надули! Телогрейка из кошки не

может иметь подобную цену.

– Любезная, я не оспариваю ваши глубочайшие познания в науке жратвы, но в скорняжном деле вы профан, – процедил Зарецкий. – На ковре лежит эксклюзивное изделие из шиншиллы. Я приобрел его на аукционе, для любимой женщины мне ничего не жаль!

– Это кошка, – спокойно дудела в одну дуду Алина, – очень редкой породы – московская помойная.

– Папочка, – дрожащим голосом прочирикала Вика, – она врет?

– Солнышко, Алина шутит, – смягчил ее заявление Зарецкий.

Но упрямству диетолога могли бы позавидовать ишаки.

– Вовсе нет. Иначе по какой причине Полкан на шубу охоту открыл? Хотел разобраться со своим извечным врагом! Кстати, о шиншилле. Эта крыса в природе имеет серый мех, бело-рыжих особей не бывает. Но загляните за любой мусорный бак, и вы найдете стадо котов расцветки апельсина со взбитыми сливками.

– Почему крыса? – затряслась Вика.

– Вы не знаете? – ехидно засмеялась Алина. – Шиншилла – простой грызун.

– Папочка! Ты купил мне шубку из мышей? – всхлипнула блондинка.

– Солнышко, это редчайший мех, – гаркнул Зарецкий, – который испортила корабельная Жучка!

– Мамой клянусь, нет на борту никакого животного, – перекрестился капитан.

– Хотите сказать, что у нас была коллективная галлюцинация? – осведомился Юра.

Василий Олегович хлопнул в ладоши:

– Внимание! Все живы? Отлично! Подавайте обед! Мы слегка подкрепимся, расслабимся, а уж затем решим проблему с собакой, шубой, кошкой и крысами. Вспомним об отдыхе. Чудесная теплая погода, роскошный сентябрьский вид, золотая осень, бабье лето. Прошу всех к столу. И ни слова о дурацком происшествии.

Глава 8

Поняв, что директор решил кардинально сменить тему, Зарецкий сказал:

– Вика, передай мне кофейник, он на буфете.

Поскольку как раз в это время официант снова вышел, же- не пришлось самой выполнять его просьбу. Зарецкая попы- талась дотянуться до красивого фарфорового чайничка. Ей явно не хотелось вставать, но блондинка никак не могла до- стать рукой до изогнутой ручки. Стул Виктории слегка на- кренился.

– Осторожно, – предостерегла Аня. – Вдруг вы упадете!

– Ерунда, – беспечно отозвалась Вика, еще сильнее наклони- ла стул и с пронзительным визгом рухнула на пол.

Леонид и Юра вскочили, ученый кинулся к жене.

– Милая, ты ушиблась?

– Очень больно, – заплакала бедняжка, – ой! Кровь течет!

– Надо позвать врача! – испугался муж. – Солнышко, где рана?

– Не знаю, – прошептала Вика. – Голова кружится, тош- нит.

– На теплоходе доктора нет, – растерялся Самойлов, – но, наверное, есть аптечка!

Леонид пошел к двери.

– Точно! Она висит неподалеку. Сейчас принесу йод.

– Мне плохо, – пожаловалась Вика, сидя на полу. – Зачем меня толкнули?

Девушка не притворялась, она сильно ударилась, по лицу текла кровь, похоже, Зарецкая разбила лоб. Я схватила со стола полотняную салфетку и присела около бедняжки.

– Давайте промоем рану минеральной водой.

– У меня есть анальгин, – спохватилась Аня. – Сейчас принесу, если проглотить две таблетки, боль быстро пройдет.

Вика заплакала, я попыталась промокнуть ей лицо, но она оттолкнула мою руку:

– Отстань! Без тебя хреново!

– До осмотра врача лучше не принимать никаких лекарств, – предупредила Алина. – Смажете клиническую картину, затрудните постановку диагноза. Травма головы очень опасна, необходимо посетить специалиста!

– Мы плывем в Вакулово, там есть больница, – подал голос Василий Олегович.

– Я умею делать уколы, – тоненьким голоском сказала сиротка Света, успевшая вернуться в столовую. – Нас в школе на ОБЖ научили!

– Не подходите ко мне близко! – взвизгнула Вика. – Где Леня?

– Тут, солнышко, – засюсюкал Зарецкий, материализуясь в столовой. – Я добыл и перекись, и йод, и зеленку, принес растворимый парацетамол. Виола, дорогая, не считите

за труд, около крайнего иллюминатора стоит шкафчик, откройте дверки, там хранится минералка без газа. Непотребная, на мой взгляд, вода, но лекарство советуют разводить именно такой.

Я покорно пошла за бутылкой, Леонид помог Вике встать.

– Прошу извинить, мы временно вас покинем, медицинские процедуры лучше провести в каюте. Солнышко, ты способна сделать шаг?

Вика прижала к лицу салфетку и зло сказала:

– Меня толкнули! Очень сильно! Я ощутила чью-то руку на спине!

– Милая, ты ошибаешься, – нежно протянул муж.

– Нет! – повысила голос блондинка. – Кто-то хотел меня убить!

Аня решила успокоить Зарецкую:

– Мы все сидели на своих местах. Представляете, какие конечности надо иметь, чтобы протянуть их под столом? Теоретически толкнуть вас могли лишь Манана и Леонид. Но вы утверждаете, что тычок был в спину.

– Да, – всхлипнула Вика. – Точно.

– Вы сидели лицом к пиар-директору, спиной к Леониду, – влез со своим замечанием Никита. – Неужели муж захочет нанести увечье жене? Произошел несчастный случай.

– А я не... – завела было Вика, но Зарецкий не дал ей ответить, он обнял супругу за плечи:

– Солнышко, тебе надо лечь.

Никита тоже встал из-за стола.

– Вика, обопритесь еще и на мое плечо.

Мужчины осторожно увели пострадавшую.

– Как она ухитрилась так расколошматиться, упав на ковер? – ожила молчавшая все время Манана.

– Там такая штука выпирает, – еле слышно сказала сиротка Света. – Я утром об нее споткнулась, до сих пор палец на ноге болит.

Я пощупала руками пол и обнаружила под паласом нечто странное, многоугольной формы, похоже, железное. Тонкое покрытие не защитит от травмы, если упасть на такой предмет лицом.

– Что это? – любопытствовала Манана.

Юра опустился на корточки возле меня, поводит руками по ковру, нащупал стык соединения полотен, приподнял часть ковролина и присвистнул:

– Похоже на здоровенную гайку, выглядывающую из железного пола. Вероятно, это какое-то крепление.

– Могу объяснить, – с достоинством произнес официант. – Теплоход, простите, не новый, его пару раз переделывали по желанию хозяев. На месте столовой раньше располагалась прогулочная палуба. То, что вы называете «гайкой», есть крепление для скамьи. С другой стороны стола имеется еще одно. Можно подавать десерт?

– Никто даже мясо не съел, – остановил прислугу Василий Олегович, – испугались за Вику и забыли про барашка.

Я села за стол и поняла, что хозяин прав. Гости, возбужденные произошедшим, не прикоснулись к аппетитным отбивным с жареной картошкой. Только Катя опустошила свою тарелку, пока окружающие охали и ахали над Викой, супруга Самойлова уничтожила второе. Встречаются на свете женщины, которые в минуты стресса испытывают зверский голод.

– Уберите холодную еду, – приказал директор фабрики.

– А что на третье? – спросила Манана.

– Мороженое «Сюрприз», – сообщил официант.

– Надо позвать Тину, – решила мать. – Сделайте одолжение, приведите девочек, очевидно, они в каюте Иры.

– Как прикажете, – кивнул лакей.

– В жаркий день нет ничего лучшего пломбира, – улыбнулась Катя.

– Слишком калорийно, – села на своего любимого конька Алина, – и сахару в избытке. Помните об угрозе развития диабета второго типа!

В столовую вернулись Аня и Никита.

– Как там Вика? – спросила я.

– Леня пытается уложить ее в кровать, – ответила Аня. – Хорошая идея, Виктории лучше поспать.

– Она волнуется за свою красоту, – сказал Никита. – Сначала жаловалась на боль, потом испугалась, что на коже останется шрам, и закатила истерику.

Аня с осуждением посмотрела на мужа:

– Девушкам свойственно переживать по поводу внешности.

– Господин Самойлов, – подал голос вернувшийся официант, – разрешите вас побеспокоить?

– Валяй, – милостиво разрешил хозяин круиза.

– Позвольте интимно, – сказал лакей.

Василий Олегович покосился на него:

– Что за чушь? Говори прямо!

И тут в комнату влетела Тина.

– Где мороженое? – заверещала она. – Этот дядя обещал! С шоколадным соусом! А колу можно? Мам, с волшебными пузырьками!

– Садись спокойно, – попросила Манана. – Не вертись. Где Ира? Ей, наверное, тоже пломбира захочется.

– Ирка спит! – запрыгала Тина. – Легла и не встает. Она плохая! Пообещала со мной поиграть и обманула! Отвела в каюту! Вынула книжку! И спит!

У меня неожиданно заломило виски.

– Пойди разбуди подругу, – приказала Манана.

– Хочу ванильное и колу, – проявила строптивость Тина, сжимавшая в одной руке свою любимую плюшевую игрушку, а в другой – новую заколку.

– Ирина, похоже, заболела, – голосом трубадура провозгласил официант. – Я хотел сообщить тихонько, но вы приказали говорить вслух.

– Ты идиот! – взревел Василий Олегович, швыряя сал-

фетку. – Зачем людям настроение портить сообщением о насморке!

Юра, не говоря ни слова, вышел из столовой.

– Не пойду за Иркой! – звонко кричала Тина. – Она противная, разговаривать со мной не хочет! Мама, я хорошая? Мама, мне дадут мороженое?

Под аккомпанемент пронзительного дисканта Тины я последовала за Юрой, увидела раскрытую дверь одной из кают, заглянула в нее и прошептала:

– Что случилось?

– Девочка умерла, – мрачно сказал Юра, склонившийся над кроватью, – и в данном случае шаурма ни при чем. До Вакулова еще два часа хода, надо не допускать в каюту посторонних и тщательно осмотреть место происшествия.

– Может, она лишилась чувств? – с надеждой прошептала я, когда мы вышли в коридор и двинулись вперед.

– Нет, – сурово возразил Юра. – На теплоходе убийца.

Я попятилась и наткнулась спиной на стену.

– Ну, это уж слишком! У тебя профессиональное обострение.

– Будь любезна, объясни свое последнее высказывание, – протянул Шумаков.

– Психиатры считают всех сумасшедшими, доктора видят у каждого человека симптомы разных заболеваний, а тебе повсюду чудятся киллеры, – прошептала я.

Шумаков сложил руки на груди:

– Считаешь естественной кончину тринадцатилетней девочки?

– Конечно, нет, – с жаром воскликнула я. – Но, к сожалению, юный возраст вовсе не гарантия богатырского здоровья. Ира сирота, очевидно, ее родители алкоголики, наркоманы, бомжи, у пары маргиналов не может родиться здоровое потомство. Надо спросить Катю, скорее всего, она в курсе, какие болезни были у ее воспитанницы.

Не успела я закончить фразу, как из-за угла вынырнула жена Самойлова.

– Ира скончалась? – звенящим от напряжения голосом спросила она.

– У вас есть причины думать о столь ужасном исходе? – тут же «включил следователя» Юра.

Катя вынула из кармана брюк носовой платок и промокнула им глаза.

– Мы лечили Иришу у кардиолога, – с трудом произнесла она. – Провели ее по самым лучшим специалистам, добрались до профессора с мировым именем, но никто не смог установить правильный диагноз. В конце концов, академик Брюсов решил, что в случае с Поповой он имеет дело с неизученной вирусной инфекцией, которая поражает сердечно-сосудистую систему. Тимофей Андреевич пытался справиться с напастью, применял новейшие антибиотики, и... простите, вы ведь оба не имеете медицинского образования?

– Нет, – ответила я за двоих.

Катя кивнула:

– Я тоже не врач, поэтому всех подробностей не назову, да они и не нужны. Увы, Ирочке Поповой предстояло недолго прожить, то, чем она страдала, так точно и не установили, я знала, что она может скончаться в любую секунду. Пожалуй-ста, не пугайте пассажиров, не объявляйте о смерти Иры.

Шумаков вытащил из кармана блокнот.

– Имя профессора Брюсов Тимофей Андреевич? Где он работает и нет ли у вас при себе его номера телефона? Предполагаю, что судмедэксперт захочет поговорить с академиком. Надеюсь, именуемый врач не откажет патологоанатому в беседе.

– Тимофей Андреевич интеллигентнейший человек, – заявила Катя, вынимая из кармана брючек мобильный. – Он даст исчерпывающую информацию об Ирине. Записывайте, это медцентр «Вечность»⁶, услышите гудок, нажмите «решетку», а потом добавьте в тональном режиме семьдесят девять, попадете прямо в кабинет кардиолога. И что теперь делать?

– Пойдемте в столовую, – не выражая никаких эмоций, предложил Юра. – Учитывая малоприятные события, произошедшие на борту за последние двадцать четыре часа, лучше держаться всем вместе. Скоро приедем в Вакулово, там на борт поднимется медик.

⁶ Название придумано автором, любые совпадения случайны.

Катя всхлипнула и убежала.

Юра обнял меня за плечи.

– Можешь позвонить академику и аккуратно его пораспрашивать?

– Попытка не пытка, – ответила я. – Вот только сильно сомневаюсь в успехе беседы. Очевидно, Тимофей Андреевич наслышан о такой примочке, как врачебная тайна.

– Все равно надо проявить активность, – не дрогнул Юра. – Если светило вежливо отправит тебя на три веселые буквы, придется повторить беседу после нашего возвращения в Москву.

– Глупая идея, – заспорила я. – Думаю, что при личной встрече я сумела бы вытянуть из кардиолога некие подробности, но по телефону он откажется беседовать.

– Тебе трудно? – прищурился Шумаков.

– Конечно, нет! – воскликнула я.

– Тогда ступай на палубу, садись в шезлонг – и за дело! – велел он.

Я поднялась по крутой лестнице на свежий воздух. Интересно, желание настоять на своем даже вопреки элементарной логике – это вторичный половой признак? Хорошо помню, как мой первый супруг Олег Куприн решил сварить на ужин сосиски. У меня никогда не было особенных кулинарных способностей, если честно описать мою готовку, то на ум приходит выражение «бурда в горшочке». Я обладаю уникальным талантом состряпать из вкусных составля-

ющих нечто похожее на кашу без соли и сахара. Нет, я помню про специи и, тщательно изучив рецепт, кладу необходимые ингредиенты по строго указанной норме. Но вот парадокс! Блюдо на выходе получается малосъедобным. Трудности возникают даже при попытке сварить столь простую еду, как яйца. До сих пор не понимаю, ну каким образом у других женщин они получаются всмятку или в загадочный «мешочек». Встречаются особы, которые демонстрируют высший пилотаж – они подают к завтраку яйцо с нежным белком, внутри которого действительно есть «мешочек» из желтка: чуть-чуть густые «стенки» и жидкая серединка. Впрочем, у меня «куриная икра» тоже выходит эксклюзивной. Как правило, белая составляющая остается сырой, зато желтая превращается в камень. По идее, это невозможно, сначала должен загустеть белок. Извините, рецептом приготовления «смятки наоборот» поделиться не могу: не потому, что тщательно скрываю его от посторонних, просто не понимаю, каким образом достигаю сего фантастического результата. Но среди любых правил непременно бывают исключения. Ваша покорная слуга отлично варит сосиски. Вот тут я ас. Поэтому, когда Олег набил кастрюльку колбасными изделиями, поставил ее на огонь и стал уверенно кипятить содержимое, я подала голос:

– Выключи горелку.

– Не собираюсь ужинать сырыми продуктами, – отбрил

Олег.

– Шкурка сейчас лопнет, – предостерегла я. – Получится невкусно.

– Ага, – кивнул Куприн, но даже не пошевелился.

Представляете, что увидел супруг, когда после десяти-минутного интенсивного бульканья, доносившегося из-под тщательно закрытой крышки, он эту самую крышку снял? Правильно, кашу из сосисок! И теперь объясните мне, почему, не захотев принять совет жены, он на нее же налетел со словами:

– Все из-за тебя! Отвлекла меня пустыми разговорами, и я забыл посмотреть на часы!

Очень надеюсь, что Юра не будет так себя вести, хотя он тоже проявляет задатки вредины. Вот сейчас убедил меня заниматься глупостями: академик не возьмет трубку, если увидит в окошечке незнакомый номер. Полагаю, у известного кардиолога нет времени на разговоры со всеми, кто хочет с ним поболтать. Сейчас послушаю длинные гудки и со спокойной совестью сообщу Юре: «Зря не захотел принять мои аргументы, светило не приблизилось к телефону».

– Брюсов, слушаю, – отозвалась трубка.

Глава 9

Я уронила сотовый на колени, быстро подняла его и, не веря своим ушам, уточнила:

– Тимофей Андреевич?

– Весь внимание, – вежливо сказал кардиолог.

Я откашлялась.

– Прошу простить за звонок. Ваш телефон мне подсказала Катерина Самойлова, хозяйка детдома для девочек. Помните такую?

– Катеньку? Конечно, – загудел Брюсов. – Замечательный человек, я консультирую некоторых ее воспитанниц.

Я ощутила себя ковбоем, который ловко запрыгнул на неоседланного мустанга.

– Например, Ирину Попову?

– Ирочку? – с легкой тревогой подхватил Брюсов. – Да, сложный случай. Кто вы? Что случилось?

– Меня зовут Виола Ленинидовна, я работаю помощником следователя, – лихо солгала я.

– Господи! – воскликнул Тимофей Андреевич. – Только не говорите, что с Ирой беда!

– Увы, – пробормотала я, – девочка скончалась. Похоже, вы ожидали чего-то подобного.

Брюсов зашуршал чем-то, потом грустно сказал:

– Ира – загадка. Никто не понял, что происходит с девоч-

кой, ей ставили разные диагнозы, подчас абсурдные.

– Каковы признаки ее заболевания? – спросила я.

Тимофей Андреевич крякнул:

– Виола Ленинидовна, вы, вероятно, юрист? К медицине не имеете отношения? Постараюсь объяснить доступно. Сердце бьется в определенном ритме, иногда он нарушается. Существует большое количество причин, от которых может возникнуть аритмия. Допустим, вас сильно напугали или обрадовали. Сердце отреагировало на стресс, но справилось, вернулось к нормальной работе. Если с вами такое случилось один раз, пугаться не стоит, пойдите к врачу, посоветуйтесь, но это не болезнь. Нарушение ритма может спровоцировать даже сильный удар в грудь...

– Так чем страдала Ирина? – Я не слишком деликатно вернула академика к интересующей меня теме.

– Аритмией неясного происхождения, – отчеканил Брюсов. – Девочку лечили как могли, но успеха не достигли. В конце концов, я осторожно намекнул Екатерине, что прогноз не очень лучезарен. У Поповой начался пубертатный период, усиленный рост организма способен спровоцировать обострение болезней, до тех пор дремавших. Очень часто, например, эпилепсия дает первый приступ в период полового созревания.

– То есть у Иры внезапно останавливалось сердце? – Я решила докопаться до сути.

– Ну, в принципе да, – подтвердил Тимофей Андреевич. –

Поймите: Ирочка жила под дамокловым мечом. Сегодня ее спасут, завтра тоже, а через месяц ей станет плохо по дороге из школы домой, и все. Вшить ей кардиостимулятор мы не могли, имелись стойкие противопоказания.

– Спасибо, – протянула я. – Вы же не откажетесь дать официальную справку о состоянии здоровья Поповой?

– С удовольствием помогу следствию, – воскликнул Брюсов.

Слова «с удовольствием» не очень подходят к сложившейся ситуации, но я знаю, что многие врачи отгораживаются от пациентов стеной, не разрешают себе испытывать эмоции, когда больного увозят в морг. Не стоит осуждать подобное поведение, доктор пытается сохранить собственное психическое здоровье. Нужно аккуратно закруглить беседу.

– Огромное спасибо за помощь. Вероятно, выписка из истории болезни не понадобится, мы вас более не побеспокоим. Прозектор обнаружит патологию.

– Ничего он не увидит! – воскликнул Брюсов.

– Вскрытие не оставляет тайн, – мрачно буркнула я.

Тимофей Андреевич издал странный звук, похожий то ли на кашель, то ли на чихание.

– Виола Ленинидовна, представьте себе медный шнур, абсолютно целый, по нему течет ток к лампе. Что случится, если подача электричества прекратится? Свет потухнет, но проводка-то останется исправной. Сердце Иры, ее сосуды не имели патологии, девочке сделали много исследований и не

ВЫЯВИЛИ НИКАКИХ ОТКЛОНЕНИЙ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.